

Людмила ГОЕНКО

*Колесо
судьбы*

Проза. Поэзия. Публицистика

Рязань – 2016

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6 Ряз
Г 59

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры России*

Гоенко Л.Г. Колесо судьбы: Проза. Поэзия. Публицистика. – Рязань: Издательство «Старт», 2016. – 90 с.

«Колесо судьбы – это книга прежде всего о женщине. Её чаяниях, её радостях и горестях. Это книга – о жажде познания и яростных попытках понять, что же движет колесо судьбы каждого из нас. Поэзию Людмилы Гоенко можно отнести к философской лирике. Проза её – скорее документальная, чем чисто художественная. Но талантливый автор в изучении окружающего мира и людей вокруг себя создает именно художественное произведение. Ведь сама жизнь – всегда искусство. А жизнь женщины – искусство вдвойне.

Борис Пастернак назвал истинную книгу «кубическим клубком дымящейся совести». И это почти устаревшее понятие живёт на страницах данного, пусть небольшого, но такого ёмкого сборника. Всепоглощающая страсть, потери, от которых не застрахован ни один человек, родовая память и скорбь о безвременно ушедших людях. А ещё вера в любовь... любовь... любовь, без которой умирает женская душа.

ISBN 978-5-902405-34-4

- © Гоенко Л.Г., предисловие, произведения, 2016
- © Ананьев Ю.В., композитор, 2016
- © Вяткин Л.В., предисловие, 2016
- © Ибрагимов Н.Г., дизайн обложки, предисловие, 2016
- © Издательство «Старт», 2016

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

*Время разбрасывать камни...
Библия*

*Нам не надо предугадать,
Как наше слово отзовется...
Ф. Тютчев*

Когда-то Нурислан Ибрагимов (в то время главный редактор Рязанского издательского дома – РИД, где готовилась к изданию моя книга, посвящённая 70-летию Рязанской области) попросил меня рассказать «О времени и о себе», я долго ломала голову над тем, что выбрать из встреч и фактов прошедших лет, и пришла к выводу: разговора должно быть два. Моё «поколение шестидесятых» оказалось при одной жизни в двух временных измерениях. Часть жизни мы пронесли во времени, подготовленном для нас нашими предшественниками. Второе измерение своей жизни мы создали сами. И в этом я убеждена на 200 процентов, хотя вслед за по-этом можно было бы сказать: «Не этих дней мы ждали».

Помните библейское – «время разбрасывать камни и время собирать камни».

Собственно, от этого не уйти никому. Но в России исторические сроки до того спрессованы, что порой отдельная личность попадает даже не в два измерения – в целых три: туда, где разбрасывают камни, где их собирают и где вновь разбрасывают. И этого не избежать ни отдельной личности, ни целому поколению.

Итак, время разбрасывать камни. Оно упало на нашу юность. Когда говорят, что советское время – время сплошного атеизма, не верьте: мы были самой религиозной страной мира. Но свою религию мы строили на

земле и видеть рай желали не в заоблачных высотах, а здесь, на высотах человеческого греха и порока. На том и попались. Но очевидным это стало лишь в шестидесятых годах прошлого столетия, хотя теоретический спор Плеханова и Ленина возник в начале века. Парадоксальная история: тогдашняя победа Ленина через полвека обернулась полным его поражением.

Любая религия двойственна, хотя знают об этом лишь высшие сановники и теологи. Истины для тех, кто внизу, и тайные знания для тех, кто сверху. Двойственна была и наша коммунистическая религия. Лозунги добра, честности и справедливости были для нас, живущих внизу. Среди тех, кто был сверху, царили иные законы. И мы, те, что не владели ничем, владея одновременно властью слова, – старательно разбрасывали камни во имя тех первых лозунгов, и официально запретить нам это было нельзя, можно было только ограничить, сместив акценты справедливости в сторону, нужную верховной власти.

Второй парадокс российской истории: чем яростнее мы защищали внешние атрибуты нашего государства, нам серьезнее подрывали его внутреннюю суть.

В каждой религии есть свой Бог. Для нашего детства таким богом был Сталин (до шестидесятых годов). Помню маленькую сельскую школу. Себя, третьеклассницу, и весь наш класс вместе с учительницей, что, замерев и сцепившись за руки, слушают репродуктор: «По московскому времени девять часов утра. Состояние Иосифа Виссарионовича Сталина тревожное, но врачи питают надежду... Десять часов по московскому времени... врачи питают... Одиннадцать часов по московскому времени...». И так до последнего оглушающего известия. Помню фразу, которую произнёс мой мудрый дед,

когда я, зарёванная, вернулась домой: «Стальной кулак России умер. Что теперь с Россией будет?»

Шли годы, и наступило время XXII съезда партии. Оно застало меня и моих друзей на первом курсе института. Помню яростное неприятие всего того, что узнали мы в те дни, – в это невозможно было поверить. Бедный Никита Сергеевич, наша историческая группа изгалялась над ним, как могла. Это он был виноват в том, что подорвал нашу веру и скинул с пьедестала нашего кумира. Хотя, конечно, всплывали в памяти таинственные недомолвки взрослых о ежовщине, трагедии власовцев. Но эти разговоры мгновенно прерывались, как только в радиусе десяти метров появлялись мы, дети. Теперь это всё стало объяснимым. Но вера, заложенная в нас, сопротивлялась изо всех сил. Смущали и те седеющие люди, что эти репрессии пережили, – некоторые из них почему-то свои беды лично со Сталиным не связывали.

Наше неприятие Хрущева продолжалось до тех пор, пока... пока его не сняли. Новый взрыв недоумения: ушёл на пенсию вождь, а его даже самые малюсенькие портреты, в каком бы закоулке они ни висели, снимают со стен. Помню, как нас, будущих историков, целую неделю не впускали в закреплённую за нами аудиторию (я училась в Рязанском пединституте). А всё дело было в том, что до этого мы вели молчаливую борьбу со своими педагогами: они закрывали белым листочком-заплаткой изображение Н.С.Хрущева на большом стенде по профсоюзному движению, мы же эту заплатку срывали. После пятого раза наши наставники сдались, вернее временно отступили. Через неделю нашего отлучения от аудитории, мы, войдя в неё, не обнаружили самого стенда о профсоюзном движении в СССР.

Итак, нас обманули вновь. И мы ринулись на поиски справедливости, своей справедливости. Наивные роман-

тики шестидесятых... Даже после разоблачения культа личности мы верили в незамутнённость своего строя, искажённого отдельными непорядочными личностями. Против этих личностей мы и боролись «за веру, чистоту и любовь».

Знаменитый «Диск-клуб» пединститута, не менее знаменитая история с Тюзовским спектаклем «Через сто лет в берёзовой роще»... В те годы я уже работала в «Рязанском комсомольце» на незабываемой должности «приди, принеси и пошла вон». Так мы называли между собой должность учёточка писем, лишь спустя годы понимая, насколько шикарней она была, ибо давала её обладателю неограниченную свободу и во времени, и в поступках. В «Диск-клуб» я ходила для отдохновения.

Здесь и познакомилась с будущими своими коллегами, тогда ещё студентами, – Вячеславом Чирковым и Владимиром Панковым. Вячеслав был яростным поклонником «Диск-клуба», где спорили о творчестве Евтушенко и Вознесенского, где штудировали последние новинки журнала «Юность», где верили в алые паруса. И ещё долго отсвет этой веры будет светить в публикациях Вячеслава Чиркова по краеведению, чаще спортивному. Спустя пять-шесть лет имя этого журналиста стало цениться в Рязани.

С Володей Панковым дело обстояло ещё хуже, он не просто ходил в клуб, он вместе с Толей Ярославцевым играл в крамольном «Драконе» Е.Шварца. Позже Володя станет редактором «Рязанского комсомольца», собкором «Комсомольской правды» по Карелии, замредактора «Советской России». Сейчас он работает в журнале «Родина».

За «Дракона» спорный клуб пединститута и раздраконили. Тогда, честно говоря, я не понимала, почему: сказка, она и есть сказка. Как не понимала и сути раз-

громного Постановления 1946 года по творчеству Е.Шварца. Теперь, умудрённая жизнью, знаю: всё было отнюдь не случайно и творчество безобидного сказочника могло подорвать любой режим, потому что беспощадно обнажало сущность любой власти. Вдумайтесь в канву логики писателя: миром правят Драконы – в бой с ними вступают Ланселоты – плоды их победы вкушают Премьеры – именно потому к власти вновь приходят Драконы. Эту цепочку буквально выкристаллизовал в своей киноверсии по сюжету великого сказочника советского периода знаменитый Марк Захаров.

Но то время великого гнева всяческих парткомов Володя проскочил; может, потому, что играл Премьера, а вот Ланселоту-Ярославцеву институт пришлось покинуть.

Как чуть позже покинет его иронично-парадоксальная вдохновительница наша Э.В. Бигалько. Она одновременно расстанется и с институтом, и с партбилетом, и с Рязанью. Но до этого успеет потрясти город своей подспудной войной с первым секретарём обкома партии Н.С. Приезжевым. А война эта разгорится из-за ГЮЗовского спектакля «Через сто лет в берёзовой роще». Спектакль – о декабристах, и в театре знаменитого Товстоногова шёл он в те годы с неизменным успехом. А у нас, в Рязани, по личному приказу товарища Приезжева его решили снять со сцены. Но не скажешь же открыто, что спектакль о предвестниках революции – декабристах – советской власти не нужен. Стали собирать режиссёрский компромат на неправильную расстановку акцентов, на плохо сыгранные роли.

Вот тут и отличился будущий столичный журналист Николай Межеков, тогда зав.идеологическим отделом молодёжной газеты. И если тогдашняя «Приокская правда» вышла на бой с открытым забралом, то в моло-

дэжке была опубликована такая рецензия, в которой позицию автора разобрать было просто невозможно. Поэтому довольными остались обе стороны.

Но тот «крамольный» спектакль с наивным кредо автора – революционер должен иметь лебедя в душе, а не орла – прошёл ещё один раз. И зрителями были студенты пединститута и радиоинститута. И хотя администрации театра грозили неприятности, какой же хозяйственник, даже в те времена, откажется от полного кассового сбора! Но кто знал, что помимо просмотра неистовая Элла Викторовна подготовит ещё и обсуждение. Один за другим высказывали юные на подмостки сцены и сотрясали воздух словами о любви, благородстве и доброте. После этого снять спектакль за некачественность было неприлично. Просто... большая часть труппы убралась из Рязани восвояси – так сказать, разбрелась по своим родным пенатам. Остался лишь Сергей Леонтьев, что играл роль Николая I и, по мнению официальной критики, настолько переиграл остальных актёров-декабристов, что сделал тех лишь бледными тенями традиционных рыцарей из стали и плоти. Теперь он очень известный и любимый в Рязани артист – Народный артист России.

Меня же вся эта история задела лишь вскользь – в институте я уже не училась, в редакции занимала незначительную должность. Да и молодёжке всегда позволялось быть демократичной, по принципу «чем бы дитя ни тешилось». Да и ещё, может быть, потому, что редактором её в то время был удивительный человек – Галина Фёдоровна Ларина. Весёлый, добрый человек и, как я поняла позже, смелый. Но не той глупой смелостью, идущей напролом, она была наделена смелостью умного тактика и – дипломата. Под её крылом расцветали мы – очень разные и очень наивные, как показало теперь

время. Рассказывать обо всем просто нет возможности. Хотя бы набросать отдельные эпизоды.

Валерий Яковлев. Зав. отделом комсомольской жизни. Начало мая. Очередная планерка. Вопрос редактора: «Валера, где твоё интервью с секретарём райкома комсомола?» Ответ: «Галина Федоровна! А где я его возьму? Секретари в праздники где? – под забором! Что сделаю...» Валера немного заикался, и потому слушать его было безумно смешно, тем более что все мы подозревали, что вторым под этим самым забором был... Валера. Но благоразумно молчали.

У нас вообще, с тогдашней моей щенячьей высоты, трудились исключительные личности: подводник Пётр Каданцев (теперь он автор книг и доктор наук), бард Герольд Киселёв (теперь член Союза писателей, но, увы, уже заграничного Союза – растворился где-то в Белоруссии), легендарная Марина Покровская при своей вечной сигарете и пишущей машинке. Но, конечно, вершина моего восторга – вольный художник и поэт Евгений Маркин.

Роскошно громадный и безумно дерзкий. Помню, как после первого моего случайного дефилирования с ним по Подбелке одна дама мягко сказала: «Людочка, ходить с Маркиным по улице – это себя компрометировать!» Но компрометировать так хотелось, тем более что это было безопасно. Евгений Маркин, несмотря на свою внешнюю бесшабашность, был очень порядочным человеком и с юными дурочками умел бережно обращаться.

Позже, когда я уже стала зав. отделом и занимала маленький, но уютный кабинетик с диваном, Евгений Фёдорович - тогда попросту Женя, любил, удобно расположившись на нём, гонять чай и рассказывать байки. Он как раз очень метко и дерзко умел «разбрасывать кам-

ни» во имя добра и справедливости. Среди множества его рассказов для меня незабываемой такой.

Он, тогда ещё молодой журналист, пишет неподозволенную статью: громит известного в Рязани председателя колхоза за хамский конфликт с московскими артистами. По уже опубликованной статье идёт разбор на бюро обкома партии. К бюро Женя подготовился очень тщательно. На все упреки отвечал только одно, примерно так: хамство может стать тормозом нашего общего дела. Оно ему вредит. А на патетический возглас тогдашнего секретаря обкома партии по идеологии: «И какой дурак тебе это сказал?!» – Женя торжествующе ответил, вынимая из-под стола книгу: «Ленин. Том такой-то, страница такая-то»...

После оглушающего молчания был перерыв – второго отделения партийного спектакля не последовало.

За Женей укрепилась в городе слава человека сильно пьющего, но я его на перепое так ни разу и не увидела. Вот ещё одна уникальная история:

Моя типичная хрущёвская кухонка. В ней трое: Женя Маркин, Валера Суходольский и я. При всех атрибутах кухонного застолья. Но как-то сразу разговор пошёл о стихах: Женя читал неопубликованную «Мою провинцию». От стихов мы очнулись где-то в начале первого. Ребятам надо было добираться до другого конца города. Я показала на почти полную бутылку вина на столе, Евгений засмеялся и раскрыл портфель: там их было ещё штуки три. Но в тот вечер нам всем было не до вина: видно, там, где говорит истинная муза, там вино бессильно. Но кто этому поверит!?

.. Маленькая избушка в охотохозяйстве под Рязанью. Здесь мой муж (рано ушедший из жизни) и его друзья собирались в тот далёкий год часто. Наступало время семидесятых. Эту троицу, которая яростно спорила при

тусклом керосиновым свете долгими воскресными вечерами, тоже волновали вечные проблемы. Они писали стихи и рассказы. И в те вечера рождались вот такие строки:

Я люблю дорог зовущих графики
И вокзалом начатую жизнь.
Поездами чертят биографии
Мальчики из касты одержимых...

...Обмой, обнови, обессудь
Суд правый неправых людей
И влей в мою хриплую грудь
Частицу небесных идей!..

Эти «небесные» идеи и были предметом большинства споров. Кем стали тогдашние 30-летние борцы за справедливость? Один, Валерий Кравченко, несмотря на явную поэтическую одарённость, опубликовав в Москве несколько рассказов, стал теперь, после множества перипетий, журналистом «Независимой газеты». У второго, Анатолия Тренко, на данный момент выходит в Воронеже книга о творчестве Андрея Платонова. В московских толстых журналах его знают как литературного критика.

Третий, Григорий, давно умер, но успел перед смертью сказать своё пророчество. В один из таких вечеров, останавливая своих увлекающихся товарищей, сказал: «Ребята, погодите. Наше государство ещё не та стена, которую ткни и развалится. Раскачивать её надо ещё лет двадцать – тогда, пожалуй, и рухнет. Вот только хорошо бы к этому времени и новую теорию создать – о том, как быть потом?».

Теорию эту так и не создали, но стена рухнула. И никто из нас, кидающих в неё камни своей жажды справедливости истинного равенства, не ожидал, что рухнет она на нас самих. А камни наши превратятся в булыжники. И опять же достанутся нам.

Да, вечна библейская истина о камнях, которые разбрасывают и которые собирают. Для нашего, да и не только нашего поколения пришло время собирать камни. А вот этот разговор я хотела бы оставить на потом, если, конечно, мне это позволят.

*Людмила Гоенко,
член Российского союза профессиональных литераторов,
Заслуженный работник культуры РФ*

ЧЕЛОВЕК КАК СУММА ВЫБОРОВ

«Каждый человек, – писала в своё время о Людмиле Гоенко её коллега по творческому цеху легендарная Галина Чернова, – это сумма выборов, которые он делает в своей жизни». Гоенко выбрала СЛОВО. Да-да, то самое, о котором Анна Ахматова сказала:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики РГУ Ольга Воронова называет Людмилу Гоенко «королевой очеркового жанра». Лауреат премии имени Сергея Есенина в области литературы и искусства Нурислан Ибрагимов раскрывает её образ в одном из лучших своих стихотворений «Красной нитью прошиты страницы». Известная писательница Алла Нечаева рассказывает о ней в романе «Вишни в чужом саду». Поэт и прозаик Борис Жаворонков считает, что Гоенко – «самая удивительная женщина, неизвестно откуда черпающая силы для добрых дел: в литературе, в журналистике, в преподавательской деятельности, в общественной работе». Член Союза писателей России Константин Паскаль видит в ней «олицетворение рязанской культуры». Непревзойдённый мастер художественной фотографии Евгений Каширин запечатлевает для истории.

Сама же Людмила Гоенко звёздного пути не искала. Она выбрала другой – более трудный, но, пожалуй, и более благородный, став, как говорили в старину, просветителем человеческого духа, то есть человеком, несущим в массы всё лучшее, что составляет отечественную культуру. Именно из её очерков мы многое узнали о знаменитых рязанцах – певице Марии Олениной-

д'Альгейм, братьях Пироговых, художнице Лидии Ильиной, крупнейшем лингвисте Измаиле Срезневском, народной артистке Зое Беловой...

Телевизионные сюжеты о жизни и творчестве Марины Цветаевой, Юхана Августа Стринберга, Анны Ахматовой, Глеба Горбовского; литературные викторины по произведениям рязанских писателей; рецензии на спектакли гастролирующих театров; обзоры кинофестивалей; сценарии литературных вечеров; организация творческих встреч с известными деятелями искусств страны – отнюдь не исчерпывают многогранной деятельности Людмилы Гоенко на избранном поприще.

Она стояла у истоков набравшего международную мощь есенинского праздника в селе Константиново; детских есенинских чтений в Рязани; литературных вечеров памяти Евгения Маркина; не без её участия до областного уровня вырос ежегодный праздник поэтов и прозаиков «Борис Шишаев собирает друзей»; ещё дальше пошёл городской, но очень скоро перешагнувший границы Рязанской области межрегиональный фестиваль детского литературно-художественного творчества «Начало», предшественником которого был региональный этап Всероссийского детского конкурса «Рукописная книга».

Сотни прочитанных лекций в стенах рязанских вузов, тысячи выступлений на открытых площадках, в том числе по таким темам, как «Публицист Евгений Богат», «Поэзия серебряного века», «Артист, певец и поэт Владимир Высоцкий», «Поэтическая публицистика 60-х годов», «Сергей Есенин – жизнь и творчество», «Поэзии немеркнущие строки»; регулярные в течение многих лет увлекательные тематические экскурсии по Москве и Рязани «Живописная Россия», «Древняя, но юная Рязань», «Сергей Есенин – певец Рязанского края»; участие в ра-

боте литературных клубов и творческих объединений, обязанности литературного редактора областной Книги Памяти, экспертная деятельность в качестве члена жюри областных, межрегиональных, международных конкурсов и фестивалей, работа с областным Центром детско-юношеского туризма и в правлениях творческих организаций – это пока ещё только дополнительные штрихи к портрету незаурядной личности Людмилы Гоенко.

Два десятилетия она возглавляла областную общественную организацию Всероссийского общества книголюбов, и пропаганда книги – этого, по определению Пастернака, «кубического куска дымящейся совести» – стала для неё естественным продолжением просветительской миссии через воспитание у читателя художественного вкуса. Чтобы он, читатель, словами Галины Черновой, «не заглатывал печатную макулатуру, о которой можно говорить исключительно непечатными словами, но, как древний мореплаватель – по звездам, ориентировался в книжном океане по лучшим образцам отечественной и зарубежной литературы». И делала она это хорошо, поскольку сама – человек интеллигентный, образованный, разбирающийся в поэзии, музыке, живописи, архитектуре. Широкая эрудиция, прекрасная память, образное мышление позволяют ей легко находить контакт с любой аудиторией и к середине встречи уже всецело «властвовать над человеческими душами».

Многолетнее общение с известными поэтами, музыкантами, актёрами, художниками, глубокое участие в их жизни воспитали в ней тонкий вкус, обострённое чувство прекрасного, способность безошибочно распознавать чужой талант. Это предопределило судьбу многих деятелей культуры и литературы сегодняшнего дня, ибо творчество и педагогика сосуществуют в этом человеке на равных правах. Об этом красноречиво говорит пре-

мия губернатора Рязанской области «За высокое педагогическое мастерство, большой вклад в обучение, воспитание и развитие творческих способностей одаренных детей». Многие выходцы из литературного объединения «Феникс», одним из руководителей которого на протяжении двух десятилетий является педагог дополнительного образования высшей категории Людмила Гоенко, уже сами представляют рязанскую литературу на областном, всероссийском и международном уровнях, будучи лауреатами престижных конкурсов и членами различных творческих союзов России.

Искусство любить жизнь и воссоздавать её в живом и правдивом слове, в проникновенной интонации, в ритме открытого и щедрого сердца позволило Людмиле Гоенко создать массу великолепных произведений, где главным персонажем является не собирательный образ, а конкретный человек. И способность видеть в нём не просто личность, но живого творца истории – это редкий дар, присущий только тем, кто приходит к нам, чтобы рассказать, «как прекрасна Земля и на ней человек».

Когда-то английский классик Генри Филдинг сказал: «Если меч в руках безумца может обратить в пустыню шар земной, то женщина, вооружённая пером, в два счёта вновь его заселит». Эти слова в полной мере относятся к Людмиле Гоенко.

Лауреат премии имени академика И.И. Срезневского, член Российского союза профессиональных литераторов, член Союза журналистов России, почётный член Российского союза прессы, кавалер Почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом», Заслуженный работник культуры Российской Федерации Людмила Гоенко – автор более 4 тысяч газетно-журнальных публикаций, сотни теле-и радиопередач, один из авторов фундаментальных книг регионального зна-

чения «Рязанский край – душа России», «В Россию, в Константиново, к Есенину», «Все мы – русичи», «Почётные граждане города Рязани», «Как прекрасна земля и на ней человек». Отдельные главы написаны для книг «Вышгород и Льгово. От городища к храму», «Чернобыль – Рязань: четверть века после катастрофы».

Лауреат областных, национальных и всероссийских конкурсов Людмила Гоенко публиковалась в альманахах «Звезда полей», «Литературная Рязань», «Под небом рязанским»; журналах «Сотворение», «Аграрный вопрос», «Герои нашего времени»; газетах «Рязанский комсомолец», «Рязанская глубинка», «Приокская газета», «Рязанские ведомости», «Молодёжная среда», «Рязанские зори», «Сельская жизнь», «Мещёрская сторона», «Рязанская газета».

Как некий итог своей деятельности в 2008 году Людмила Гоенко опубликовала в издательстве «РИД» книгу «Время собирать камни», о которой профессор Воронова сказала, что её можно рассматривать не только как творческий отчёт автора, представленный увлекательным чтением, но и как великолепный учебник для начинающих журналистов. Основу книги составляют эссе, зарисовки, очерки о людях Рязанщины – героях войны и труда, педагогах, учёных, современных руководителях, артистах, поэтах, художниках, а также о людях, чьи имена неотделимы от понятия Россия, – И.П.Павлов, И.И. Срезневский, А.Г. Пирогов, В.М. Шукшин, В.С. Высоцкий. Небольшие по объёму публицистические произведения, заключенные в рамки отдельной книги, удачно дополняют друг друга и в своём единстве рисуют целостную картину жизни, по особому раскрывая глубокий мир замечательных людей, в чьих биографиях отразилось ВРЕМЯ.

За большой вклад в развитие культуры Рязанского края Людмила Гоенко дважды награждалась Почётной грамотой губернатора Рязанской области, почётными грамотами Рязанской областной Думы, Рязанского городского Совета и администрации города Рязани, управления образования и молодежной политики, областного управления культуры, городского Дворца детского и юношеского творчества, городского литературного музея Сергея Есенина, Всероссийской организации ДиМСИ (детские и молодежные социальные инициативы), регионального отделения Союза журналистов России. В 2013 году награждена почётным знаком «За заслуги перед Рязанской областью», которым она гордится особенно. Потому что всё её творчество посвящено Рязанскому краю. И дай Бог, чтобы её царственное СЛОВО звучало как можно дольше.

*Леонид Вяткин,
член Союза журналистов России,
Почётный работник печати
и средств массовой информации*

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Николаю Рубцову посвящается

На одном из есенинских праздников в Константинове я услышала поэтические строки, посвящённые Сергею Есенину, которые поразили меня:

Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!
Эта муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Этими словами Николай Рубцов, поэт, пришедший в творчество спустя десятилетия, рожденный другой, северной русской деревней, точнее многих передал суть всей есенинской лиры. Не знаю почему, но для меня поэзия Николая Рубцова, да и само его земное житие изначально ассоциировались с картиной Исаака Левитана «Над вечным покоем»:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
– Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. –
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу...

...Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,

Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира.
И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.
И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть,
И обнимать ромашки, умирая...

Тихая его родина затерялась в лесах и болотах где-то далеко под Архангельском, чтобы потом продолжиться в селе Никольском Тотемского района Вологодской области в невзрачном двухэтажном доме, на века срубленном местными мужиками, который стал приютом и для детей военных лет, где было и худо и бедно, но где вопреки всему жила доброта. Жизнь, казалось бы, отнявшая у северного мальчугана всё (он с пяти лет остался круглым сиротой), дала взамен одно чудо – чудо слушать и слышать Природу, ощущать людскую боль и людское страдание.

Когда мы рассуждаем о творчестве того или иного автора, мы чаще всего рассуждаем о темах, техническом мастерстве, о влиянии литературных течений, о времени написании и очень редко применяем одну-единственную, но зато истинную правду: здесь жила и дышала сама поэзия. К творчеству Николая Рубцова применимо лишь это определение. Каким бы ни был он разным, как бы ни мотала его судьба, какие бы барьеры ни ставила на его пути – уничтожить его было невозможно. Это было не под силу ни зависти других творцов, ни его собственной безалаберности и порокам, ибо он был сам Поэзией. Господь Бог приводит своего двойного посланца-пиита на землю с двумя задачами: оставить про-

стым смертным своё завещание и привести в жизнь другого пиита.

Поэта Николая Рубцова привёл в жизнь поэт Сергей Есенин. Недаром не раз и не два пересекалась судьба северянина Рубцова с легендарной страной берёзового ситца. Да и завещание своим согражданам-россиянам, можно сказать, у них было одно:

Но за мир твой с выси звёздной
В тот покой, где спит гроза,
Две луны зажгу над бездной –
Незакатные глаза.

Сергей Есенин, начало XX века

Пускай горят Отечества огни,
Пускай не меркнет над тобою слава,
Россия, Русь, храни себя, храни,
Живи страна – единая Держава.

Николай Рубцов, середина XX века

А из первой половины XIX века обращены к нам, современникам, слова великого Александра Сергеевича Пушкина:

Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет – вот вопрос?

Тревога и боль за свою Русь, страну особого предназначения на планете Земля, несущую на себе крест доброты и святости, всегда были главной темой поэзии истинных поэтов. Можно блистать мастерством рифмовки, сыпать современными изысками стихосложения и ассоциировать себя и с XXI и даже с XXII веком, но если нет в авторе поэтической души, то нет и самой поэзии. В Николае Рубцове, самом грустном певце нашей Родины она была. Удивительная особенность его творчества – оно никогда не тяготело к городам и цивилиза-

ции, к литературщине; оно, как его «подорожники», прорастало сквозь камни и пыль лесных дорог, шло от самой земли, от родников его «тихой родины». Именно Рубцову была посвящена песня «Подорожники», которая впервые была исполнена под гитару рязанским поэтом Нурисланом Ибрагимовым на Всероссийском конкурсе бардовской песни в Саратове. Позднее он напишет: «Я не сделал для себя открытия стихов Рубцова, мне кажется, они существовали всегда и сами открывали меня. Я не разбираю их на атомы, не выворачивал корни, чтобы узнать, чем они напитаны и как они работают. Я слушаю их мелодику, ощущаю их свет. Мне всё в них ясно, как ясно в дереве, облаке, камне. Их много и мало, как планет в солнечной системе».

Статья «Планеты солнечной системы» была опубликована в газете «Рязанская глубинка» в ноябре 1999 года. Здесь же были воспоминания ответственного секретаря рязанской писательской организации Валентина Сафонова о Николае Рубцове, с которым связывала его и служба на Балтийском флоте, и учёба в Литературном институте. И именно к нему приезжал поэт, чтобы ощутить трепетность есенинской земли и через неё ещё раз прочувствовать истоки творчества одного из своих любимых предшественников. Уверена, истоки поэзии Николая Рубцова помимо всего и в творчестве нашего земляка. Поэт призвал к жизни другого поэта, передав ему свою творческую эстафету.

И всё же, и всё же... Они очень разные. Солнечная радость Сергея Есенина почти в каждой его поэтической строчке и трагическая печаль почти в каждой строчке Николая Рубцова. Общее, пожалуй, в неоднозначности оценки окружающего мира и людей в этом мире, что наши литературоведы называют противоречиями. Помните?

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

А вот другое:

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в Рязани.

И всё это Есенин.

А вот ощущения жизни от Николая Рубцова:

Я запомнил как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной
Добрый Филя живёт.
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чём говорить?

А вот и другие, тоже о русской деревне:

Он шёл против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.
Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор

Сказала, к нему подступая:
– Бродяга, наверное, вор...
Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Всё тот же, узнавши об этом:
– Бродяга, наверное, вор.

И стихотворение «Добрый Филя», и стихотворение «Неизвестный» принадлежат одному автору. Но разве это противоречия поэта? Это противоречия самой жизни! Главным и неизменным остается одно: в каком бы веке, в какой бы деревушке ни жил русский человек –

В горнице моей светло –
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды.

Эту песню я услышала тоже в рязанской писательской организации. Её пел не столько для нас, а для самого себя другой прекрасный русский поэт, Валерий Авдеев, тоже очень рано ушедший из жизни.

Рано уходят русские поэты, которые, как и их Родина, несутся в неизведанную даль, не давая ответа на вопрос: «Куда ж несёшься ты, Русь»... Свои безудержные кони были и у Сергея Есенина («Эх вы, сани, а кони, кони...»), и у Владимира Высоцкого («Вдоль обрыва по-над пропастью...»), и у Николая Рубцова («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»).

Куда уходят русские поэты? Нам этого вовеки не узнать. Они везде. Они всюду. Они над нами и в нас! А нам остаётся одно – переживать боль утрат. Своё ощущение по поводу того, куда уходят русские поэты, хорошо передаёт член Союза писателей России Владимир Хомяков в таких строках:

Куда уходят, Русь, твои пииты?
Не в эту землю, не в эти небеса.
Они идут, туманами увиты,
В твои непроходимые леса...

Они уйдут, как будто в землю лягут,
Как будто вознесутся в небеса...

Они путем уходят беспредельным,
Ничуть не слыша, как со всех сторон
Плывет над ними пенем колыбельным
И сосен шум, и сосен перезвон...

СЫНТУЛЬСКИЙ ЗАТВОРНИК

В ночь с 27 на 28 октября 2010 года Россия потеряла ещё одного своего преданного сына.

В эту ночь в поселке Сынтул Касимовского района Рязанской области на 65 году жизни умер писатель Борис Михайлович Шишаев. Умер там, где родился, где провёл последнее десятилетие своей жизни. В этом удивительном Мещёрском крае, что питал и питает своей красотой не один поэтический дар, нашли свой последний приют Евгений Маркин, Валерий Авдеев, а теперь вот и Борис Шишаев – под берёзами своего детства.

В июне этого года на областном поэтическом фестивале «Борис Шишаев принимает гостей» здесь же, в Сынтуле, у меня состоялся с ним интересный разговор. Был среди прочих и такой вопрос к писателю: «Почему праздник, уже не первый год проходящий в твой день рождения, несколько изменил своё название?»

– Это я настоял. Все наши поэтические корифеи умерли. А теперь я один за них «отдуваюсь». И неловко, и трудно. Пусть это будет областной поэтический праздник, на котором мы определяем лучших среди тех, у кого ещё нет никаких регалий, но есть главное – поэтическая душа.

У самого Бориса Михайловича регалий предостаточно. В 1990 году он стал лауреатом Всероссийской Булгаковской премии. В 1991 году его роман «Цепь» вошёл в число 100 лучших произведений России. В 1996 году роман «Горечь осины» был назван лучшим произведением Центрального Федерального округа РФ. Хотя известен Б.М.Шишаев стал прежде всего как поэт. Его поэтический дар ярко заявил о себе ещё в 70-80 годы прошлого столетия. Стихи молодого поэта публиковали самые популярные журналы того времени: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Молодая гвардия»... В 1986 году Борис Шишаев представлял Советский Союз на фестивале мировой поэзии в Югославии вместе с Булатом Окуджавой и Андреем Вознесенским. Но именно в эти годы в его творчестве вдруг произошёл резкий поворот: он полностью обратился к прозе.. И с первого же своего произведения «Сердечная боль» полюбился читателям. Далекое не случайно то, что в рецензии на рассказ «Заступники» известный поэт Александр Бобров, поздравляя своего собрата по перу с большой удачей в прозе, добавляет: «Не прозаической удачей».

Всё лучшее в стихах синеглазого паренька из Сынтула – тонкий лиризм, глубина философских суждений, сострадание к своим землякам, любовь к Отечеству – всё сохранилось и в прозе.

Лично я знала Бориса с его 19 лет. Мы познакомились в Рязани, когда он переехал сюда на постоянное место жительства. И все эти десятилетия изумлялась од-

ному: стойкости его убеждений, его преданности юношеским идеалам. А над его Родиной пролетали бури – поменялся социальный строй, истинно русские ценности заменялись на ценности иностранные, и больше всего нападков было на русский менталитет с его состраданием, умением видеть чужую боль, любовью к природе и душевной щедростью. Главной темой творчества Бориса Шишаева (и как поэта, и как прозаика) была Россия. Тайна коренной связи человека с землёй всегда волновала писателя. А такой, неугодный 21 веку, русский менталитет был его болью и сутью.

На рубеже веков Борис Шишаев вновь вернулся к поэзии. Тревога за судьбу родины, обида за свой оклеветанный народ, желание очиститься самому и помочь другим очиститься от скверны 90-х годов создало новый поэтический сборник «Сквозь травы забвения». Поэзия – всегда более прямой путь к людским сердцам.

В областной центре Б.М. Шишаева давно прозвали сынтульским затворником. Он и в юности особо не жаловал особо народ публичными выступлениями. Его кредо было в одном: «Дело писателя – мыслить и работать, сосредотачивая все свои душевные силы на творчестве. Созданное им само должно говорить с читателем». А лучше всего «мыслилось» и «творилось» ему на берегу Сынтульского озера, озера его детства:

Вроде место повсюду мне есть,
Но на Родине сердцу просторней.
Вот она, моя Родина, здесь,
Где и руки у всех, словно корни.
Что мне бегать, поддавшись ветрам,
Пыль повсюду пуская и перья, –
Не воздвигнуть волнующий храм,
Если мастер с душой подмастерья.

Я привык на земле с давних пор
Не читать своей Родине сказки,
А писать её, глядя в упор,
Не жалея ни чувства, ни краски.

Продолжая свой радостный труд
И холодной ненастной порою.
Ну, а краски от стужи умрут,
Что же, будем дописывать кровью.

Невозможно не сказать о ещё одном гражданском подвиге Бориса Михайловича. Уже здесь, на похоронах, от тележурналиста Галины Воропаевой я узнала о том, сколько сил и энергии понадобилось Почётному гражданину Касимовского района Б.М. Шишаеву на то, чтобы спасти достояние России – Синтульское озеро – от двуногих хищников, собравшихся берега этого чуда природы сделать собственным достоянием, застроив их личными коттеджами. А на гражданской панихиде было сказано о ещё одном добром деле писателя – он был среди тех, кто отстаивал и, кажется, отстоял право своих земляков на медицинскую помощь: синтульская больница, которую власти собирались закрыть, будет существовать.

Действительно, по заслугам имел писатель Борис Шишаев не только творческие награды, но также государственные и гражданские – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «За заслуги перед обществом», медаль в честь 70-летия Рязанской области. Горько только одно, что его слова о лучших сынах России слишком рано оказались пророческими и для него самого:

Подолгу злятся злые, лгут лгуны:
Всё подлое не скоро умирает.

Нет, перед смертью мы не все равны –
Она упорно лучших выбирает.

Она всегда торопится призвать
Умом высоких, сердцем лучезарных,
Как будто бы задумала создать
Страну, где нет ни подлых, ни бездарных.

ГОРОД ДЛЯ САДКО

В нём кинорежиссёра Георгия Натансона назвали обыкновенным гением.

Этот город был выстроен в начале 50-ых годов прошлого столетия специально для съёмок детского кинофильма «Садко», который с упоением смотрели не только дети, но и взрослые. А сам Георгий Григорьевич Натансон с неменьшим упоением рассказывал мне и о самом факте построения невиданных декораций и о поиске актёров для этой славянской легенды и о режиссёре фильма Алексее Лукиче Птушко.

Сам же он в этом фильме выступал в роле второго режиссёра и отвечал за подбор актёров. Был он молод, влюблён и просто убеждён в том, что лучшей Любавы, чем тогда ещё студентка Алла Ларионова, просто быть не может. Но сам Птушко считал, что студентка-худоба ему в этой роли не нужна. Нужна истинная русская красавица, к тому же в теле. Но увы... сам же этих красавиц – актрис Ленинграда и Москвы – отвергал, даже киевлянки ему не подошли. И настырный Георгий Натансон всё-таки уговорил посмотреть Алексея Птушко на эту худобу. Результат превзошёл все ожидания. Режиссёр буквально озарился, увидев Ларионову, и одарил

второго режиссёра своим любимым выражением: «Жора, ты обыкновенный гений». В дальнейшем вопрос о «Любавах» уже не стоял.

Умение восхищаться чужим талантом, преклоняться перед своими учителями в искусстве – этот удивительный дар Георгий Григорьевич пронёс через всю жизнь. Сам легенда, он рассказывал мне о других легендах советского кино – Иване Пырьеве, Александре Довженко, Григории Александрове, Андрее Тарковском.

С Иваном Пырьевым он работал в фильмах «Секретарь обкома», «В шесть часов вечера после войны», где был главным пиротехником. Об этом он рассказывал с большим юмором:

– Мне вручили длиннющую палку с дымовой шашкой на конце, и я должен был бегать с ней по съёмочной площадке, а главный кричал: «Жора, направо! Жора, налево!», и, конечно же, я всё делал наоборот.

А потом был момент откровения – в миниатюрном зальчике вместе с Мариной Ладыниной и Сергеем Эйзенштейном он удостоился чести посмотреть еще ничем невиданную будущую знаменитую киноленту «Свинарка и пастух». И когда Пырьев спросил его: «Ну, как?», потрясённо ответил: «Я тоже буду ставить музыкальные фильмы». И он экранизировал оперетту Исаака Дунаевского «Белая Акация» с Михаилом Водяным в главной роли. Но это будет в 1957 году. А первой его самостоятельной работой станет анимационный фильм «Небесное создание». И делал он его не по заказу Госкино, а благодаря благословию самого Сергея Образцова и при моральной поддержке Григория Александрова. «Небесное создание» стала первой советской лентой, удостоенной гран-при Венецианского кинофестиваля.

Все эти люди были для Георгия Натансона учителями, старшими товарищами по кинобратству. Но однаж-

ды ему, уже опытному режиссёру, пришлось стать вторым режиссёром у дебютанта, о чём он никогда не сожалел. Изначально фильм этот был бросовым. Настолько неудачными оказались сценарий и кинопробы, что никто просто не решался подобрать брошенную на полпути работу. В том числе и сам Натансон. А спустя время нашёлся смельчак, с чьим дипломным фильмом Георгий Григорьевич уже работал. Позже маститый режиссёр скажет: «Я был вторым режиссёром у гения. Мне очень повезло». Гением был Андрей Тарковский с фильмом «Иваново детство». Этот фильм стал знаковым в истории советского киноискусства.

Странными путями приходят порой фильмы в нашу жизнь. И неискущённому кинозрителю просто невдомёк, что их любимые фильмы, любимые киноактёры могли бы не состояться, если бы не было таких вот режиссёров, как сидящий сейчас передо мной пожилой человек, умеющий с таким юмором рассказывать о весьма сложных переплетениях своей кинорежиссёрской судьбы.

В начале 60-ых годов камнем преткновения готовящейся к съёмкам «Старшей сестры» стали молодые, тогда ещё почти никому не известные актёры, выбранные режиссёром за индивидуальность. Художественный совет «Мосфильма» отверг всех – Татьяну Доронину за вкрадчивый голос, Инну Чурикову за несовпадение со сценарной ремаркой («Колдунья – белокурая красавица»), Михаила Жарова за строптивость характера (дескать, ты с ним не справишься). Вердикт был один: ищите других актёров. Режиссёр же в борьбе за выбранных актёров дошёл до министра культуры и высшего совета Госкино. А потом была декада советских фильмов в Риме и Милане, где Татьяна Доронина была признана лучшей актрисой года. У тогдашнего директора Мос-

фильма хватило мужества сказать: «За этот фильм мне не стыдно».

Но со следующим, тоже очень любимым публикой фильмом «Ещё раз про любовь» дело обстояло ещё хуже. Тут уже вето наложил министр культуры Романов: «Сценарий аморальный, он позорит честь советской девушки. И вообще, где вы откопали какого-то Радзинского?».

Да, тут уж и сказать нечего. Но замминистра культуры, которому Георгий Григорьевич поклялся, что никакого аморального фильма не создаст, оказался сговорчив. Можно сказать, что фильм «Ещё раз про любовь» снимался почти подпольно. Итог же получился почти парадоксальный: на международном кинофестивале в Картахене (Колумбия) фильм получил гран-при. На серебряной вазе весомым воплощением награды было написано: «За высокое режиссёрское мастерство и высокие моральные качества».

А я вот сейчас подумала о том, что данная когда-то Георгием Натансоном клятва «Я никогда не сделаю аморального фильма» пронесена им через всю долгую жизнь в киноискусстве. Именно поэтому он оказался и у нас, в Рязани, на международном кинофоруме «Золотой витязь». Он верил и верит в благородство души человека, он преклоняется перед режиссёрами, которые и в самое непростое время осмеливаются ставить сказки. Об этом он говорил мне так: «Я открыл для себя режиссёра Нечаева и его фильмы-сказки. Хорошие умные сказки необходимы, как воздух». Даже в своих последних фильмах Георгий Натансон продолжал бороться за возвышение души человека. Неслучайно героем двух его документальных фильмов выбран Михаил Булгаков, без которого немислимо сейчас представить русскую литера-

туру. И один из этих фильмов заканчивается романсом с такими строками:

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно, и жарко
Забьётся воскресшее сердце...

СЛАВЯНСКИЕ ВСТРЕЧИ ***«ЗОЛОТОГО ВИТЯЗЯ»***

Мы живём сейчас в очень странном мире – мире кривых зеркал и перевёрнутых понятий. Ежеминутно и ежечасно бесстрастное око телевизора приносит в наши мирные дома потоки крови и грязи. Каждый день таинство любви подменяется сладострастными извивами человеческих тел, каждый день богоматерь (женщина, рождающая детей, – всегда богоматерь) превращают в шлюху. И от этого телевизионного ужаса просто некуда деться, ведь для многих телевизор – единственное око в большой мир.

Когда смещаются акценты добра и зла, когда впитанные с молоком матери истины подвергаются остракизму, невольно начинаешь думать: «А может, ты один такой и твой мир давно нереален, а убеждения смешны и нелепы?» Думать так – значит терять точку опоры и самоуничтожаться как человеческая личность. И как важно именно в эти мгновения отчаяния обрести единомышленников и понять: да нет, таких, как ты, много. Они не просто существуют, они способны к созиданию, они хотят достучаться до людских сердец. Они хотят вернуть нас в мир неискажённых зеркал.

Но как редко дают этим людям возможность встретиться лицом к лицу с нами – зрителями, читателями, слушателями. Да и дают ли?! Эту возможность они просто отвоёвывают, ища в коридорах власти, и во Дворцах искусства, и в зрительных залах своих единомышленников. Как нашёл их и бессменный организатор кинофорума «Золотой Витязь» Николай Бурляев, для людей старшего поколения так и оставшийся Ваней из далёкого «Иванова детства» (режиссёр Андрей Тарковский), то есть мальчиком, для которого истинные ценности обнажила война и который отдал за эти ценности свою жизнь. А побывав в те дни на премьерах и встречах кинофорума, я подумала о том, что таким остался он и для самого себя. Русским мальчиком, не желающим и не умеющим прощать Зло. А может, белорусским, а может... Ребёнком планеты Земля, которая жаждет жизни и молит о помощи своих детей.

Вспоминаю 1999 год. Юных поэтов из литературного клуба «Феникс» рязанского Дворца детского творчества. Их растерянность и боль, когда рассказывали они про последние известия – о НАТОвских бомбежках Сербии. И девочку, натянутую, как струна, и читающую только что родившиеся у неё строки:

*Как на последнем посту,
Люди стоят на мосту,
Чтобы их яростный стон
Взрывом вдавило в бетон.*

Да, люди стояли на мосту, том самом мосту, который через секунду взорвался, и всё вокруг просто превратилось в ничто. Как трагично похож этот мост на другой, времён 1945 года. Мост, навсегда впитавший в себя прах сотен людей, оставивших лишь тени на асфальте. Так было в Хиросиме после атомного взрыва. А в конце XX столетия все мировые СМИ долго и много будут

говорить о геноциде... албанского народа, позже найдут и виновника этого ужаса... президента Сербии Слободана Милошевича.

Открыв свой кинофестиваль в Рязани днём «Распятое Косово», его организаторы сразу расставили точки над «і». Для них правда одна – правда сербского народа. Народа православного, многострадального и преданного своей земле. Сербская делегация была, пожалуй, одной из самых многочисленных на форуме. Кому, как ни россиянам, могли рассказать они о своей боли и страданиях, о своей поруганной вере.

Мы на встрече с сербами и белорусами. Идёт показ видеофильма, посвящённого белорусскому кинорежиссёру Михаилу Пташуку. Он погиб. Последняя его творческая командировка была в Косово. А могла быть и в Голливуд. Он выбрал Косово. Невозможно забыть ни его самого в кадре экрана, ни его друга Иована Марковича, который просто так, на память, снимал момент их общей поездки в Косово. Косово руин. И Косово монахов, ибо, кроме них, на этой сербской земле нельзя было уже отыскать ни одного серба. Последних – мать и дочь – убили перед приездом кинорежиссёров. Снимал, не зная, что это его последние свидетельства из жизни знаменитого белорусского кинотворца.

Поразительные глаза у этого Иована Марковича – удивительно детские и удивительно добрые. Я уже думала, что таких глаз у современных людей просто не бывает. Оказывается, бывают. Такие глаза у самого «Золотого Витязя».

Легенды нашего кино – Георгий Натансон, Резо Чхеидзе, Леонид Нечаев, Николай Олялин, – приобретая с возрастом мудрость, не растеряли детского восторга перед миром и сострадания к нему. Может быть, это особое качество именно творцов. Творцов-созидателей, ибо

творить можно и зло. Только тут одна загвоздка: творящий зло теряет талант и способность к истинному творчеству. Это так убедительно доказал ещё Николай Гоголь в своём знаменитом «Портрете».

В те дни я не просто смотрела фильмы – в эти дни я пыталась осознать творчество через личность самого творца. Именно поэтому мне необходимо было посмотреть художественный фильм «Избранник» молодого молдавского режиссёра Александра Лозовского. Сам Александр понравился мне сразу. Кстати, на творческом вечере Леонида Нечаева (автор знаменитых «Красной Шапочки» и «Буратино») он представлял свои песни и был очень органичен и современен. Хотелось понять, как же может прочесть молдаванин начала XXI века русского писателя начала XX века. Фильм создан по мотивам позднего рассказа Антона Павловича Чехова «Чёрный монах». Для меня этот фильм стал откровением – открытием иного Чехова. Чехова страждущего, сомневающегося, Чехова, впервые приоткрывшего тайники собственной души.

Это размышление о плате за избранность, о трагедии её потери, о саморазрушении «избранника» в случае такой потери. Один раз в тысячу лет спускается на Землю посланник Божий, чтобы передать информацию, которая могла бы продвинуть человечество на несколько тысячелетий вперёд. Фильм выстроен так, что ощущаешь: трагедия «избранника» – трагедия самого Чехова. А может быть, и шире – трагедия Творца, потерявшего способность творить. И вечный вопрос, мучающий любого славянина: что важнее – познание или любовь? Как часто, противопоставляя эти понятия, мы саморазрушаемся и разрушаем при этом всё вокруг себя.

Большинство фильмов фестиваля было о том же – о мире вокруг нас и о нас в этом мире. Что ценим, что хо-

тим и во имя чего живём мы на этой Земле? Очень много документальных фильмов представили в те дни юные, те, кто делает первые шаги в кинематографе. Целая номинация была посвящена дебютным и студенческим фильмам. Порой попытки их авторов рассказать о мире и себе были беспомощными, но всегда – добрыми. Украинская художница Мария Томен (режиссер Максим Сурков), старые люди из деревушки Мелени (режиссеры братья Васяновичи), безымянный сибирский гармонист из фильма «Живи и радуйся» Юрия Шиллера – все они чередой прошли перед глазами рязанского зрителя, прошли через наши души. Порадовали своей искренностью, своей верой в жизнь, своими неразмытыми понятиями о добре и зле. Они дали духовно ослабевшим людям точку опоры, ибо пока есть не в художественной, а в реальной жизни такие люди, есть и сама жизнь. В этом главная ценность всей представленной на кинофоруме юной и зрелой кинодокументалистики.

Лично я больше всего хотела посмотреть фильм Виталия Юрьева «Юлия Друнина». Хотела прежде всего потому, что люблю эту поэтессу, её добровольный уход из жизни потряс меня так же, как и многих других ровесников. В фильме этом, тоже документальном, я не разочаровалась, потому что кинолента эта о любви, чистой и светлой. О любви, а не о смерти.

В своих поэтических строках сама Юлия Друнина пояснила, почему выбрала путь тупиковый, путь смерти. В последние годы, месяцы и дни своей жизни её преследовало осознание собственной беспомощности, а видеть, как скатывается её Родина в бездну безвременья, она больше не могла. Помните цветаевское: «С волками площадей отказываюсь выть...» Увы, история повторяется – как на уровне событий, так и на уровне трагедии отдельной личности.

Светлую печаль оставил в душе этот фильм. Но XI Международный кинофорум, чей девиз – «Возвышение души человека», – показал каждому из нас, зрителей, путь другой. Путь, декламируемый когда-то Булатом Окуджавой: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Именно этот путь выбрали для себя Николай Бурляев и его единомышленники, уже одиннадцатый раз собирающие под крыло своего «Золотого Витязя» людей доброй и честной воли из всех славянских, да и неславянских стран. В духовную значимость своего дела они истово верят.

ЛЕГЕНДА О ДОБРЫНИНОМ ОСТРОВЕ

...Маленькая палатка на берегу реки. Звёздное небо над Добрыниным островом. Отблески костра на восторженных лицах ребят и голос, такой таинственный:

– В кои-то века да в незапамятные времена сидел на острове этом посередь красавицы Оки да великий богатырь Добрыня Никитич.

А друг его дорогой, Илья Муромец, на другом острове жил. Как захочет Добрыня о себе весточку подать, поднимется во весь свой великий рост, расправит плечи богатырские, да размахнётся палицей своей, гикнет-свистнет – и летит та палица через волны речные да леса густые прямо к дому Ильи Муромца. А тот в ответ уж свою палицу готовит...

Седа легенда – то ли быль, то ли сказка, а уж очень заманчиво поверить в неё – недаром же остров Добрыниным и поныне зовётся.

ЛЕГЕНДА О КРАСАВИЦЕ МЕЩЁРЕ

Если побродить по нашим лесам, заглянуть в глухоманные деревушки, посидеть у вечернего костра с нашими стариками, то можно услышать и узнать очень много интересного. И невольно западёт в вашу душу удивительная легенда, родившаяся на нашей земле с незапамятных времен.

...Давным-давно в местах наших было море-океан. И ходило над морем этим ясно солнышко. Ходило-ходило, да однажды решило в море это заглянуть, как в зеркало, да и загляделось. Долго ли скоро ли, чахнет да высыхает наше море. Вот и взмолилось оно, прося у солнышка пощады. Да уж больно солнышко на себя залюбовалось, что мольбы моря не слышало. Тогда разгневалось море, ударило волной, да и обрызгало солнце, замутилась зеркальная поверхность. Не во что солнцу смотреться. Загневалось оно, дыхнуло жаром, и распалось море на речки и ручьи малые, озера да болотца, будто и не было его никогда. Заповедным и таинственным слыл с тех пор этот край, многие уходили сюда в поисках богатств и счастья и пропадали бесследно. Только густели леса в заповедной стороне. Уж и вовсе перестали ходить в эти места люди. Страх одолел. Только одному старику все не было покоя. А было у старика того два сына да дочка Мещёра. На них уповал старик. Ушел в неизвестность старший сын, не вернулся домой и второй брат. И посылает тогда неотступный отец свою последнюю надежду – дочку Мещёру. Пошла дочь лесами непроходимыми, мшарами гиблыми. И день шла, и ночь. А на день третий вышла к Сине-озеру. И спросило у неё озеро: «Скажи-ка мне, красна девица, что в моём краю главнее всего?» Поглядела девушка на деревья высокие, на луга раздольные, на ручьи прозрачные да небо высокое и

сказала одно слово: «Красота». И озеро легло волной у ног красавицы, и покорился ей заповедный край, и по имени её стал зваться Мещёрой.

Не в этой ли красоте истоки таланта рязанских мастеров и мастериц. Ещё в позапрошлом веке крестьянская изба поражала случайных гостей не бедностью своей, а узорочьем расписных деревянных люлек, резьбой окон да крылец, кружевом полотенец, причудливостью глиняных кувшинов да чашек, неповторимостью свадебных нарядов деревенских красавиц. И всё это делалось собственными руками, долгими зимними вечерами под распевные сказки бабушек, при неиссякаемом свете берёзовой лучины. С тех незапамятных времён и существуют на нашей рязанской земле народные промыслы – скопинская керамика, сапожковское ткачество, вырковская игрушка, михайловское кружево да кадомская вышивка.

ПРИТЧА О МАТЕРИ

Ох уж эта вера русских матерей, всей душой своей уповающих на Бога и всегда надеющихся на чудо! Да и как быть без этой надежды? Именно на нашей, рязанской земле родилась притча о матери, родилась из такого естественного для россиянки поступка.

...В середине сорок первого года уходил на фронт старший сын. Его мать испекла домашний, привычный тогда для крестьян каравай. Посадила за стол всю свою семью – сына и младших дочек – и произнесла такие слова:

– Сынок, сейчас мы съедем по кусочку этого хлеба, остальное же я спрячу, доедим его, когда ты вернёшься домой.

В тот год все думали, что войне продлиться не больше двух-трёх недель, крайний случай – несколько месяцев. Но шагнул сын за порог родимого дома и сгинул на долгие пять лет. А когда осенью сорок шестого вновь вступил на него, мама, отплакавшись, принесла из тайничка узелок. Развязала его, и по столу крошками рассыпался хлеб.

– Сынок, как часто мы голодали, как порывались руки развязать этот узелок и дотронуться до хлеба, но каждый раз думалось: этот кусочек отломим – ты останешься без глаз, этот – лишишься ног, этот – у тебя не будет рук...

Так и не дотронулась мать до заветного каравая.

ЛЕГЕНДА О ПОЭТАНЕ

Недели и месяцы неумолимо приближали планету Земля к победе над фашизмом, а солдата Фёдора Полетаева – к бессмертию.

2 февраля 1945 года. Боевое задание – не пропустить карательный отряд в долину, где люди жили по законам гарибальдийцев. Боевая сила – шесть человек. Место действия – горное ущелье у селения Канталуппо. Дальше бой – бой, которому суждено стать легендой Италии. Перед ошеломлёнными карателями прямо из скалы возникла громадная фигура, уверенно приказавшая им сдаться. Так уверенно, что оружие было брошено, прогремел лишь один выстрел – выстрел командира кара-

тельного отряда. И это было прямым попаданием в сердце бесстрашного русского богатыря. Ведь это именно он, Фёдор Полетаев, поднялся во весь свой двухметровый рост на скале, ведь именно он этим своим поступком предрешил исход боя, именно он спас жизни и своим товарищам по бригаде, и тысячам итальянцев из горной долины в Лигурии. И исполнилось ему в тот год 36 лет.

Легенда о Поэтане неслась от селения к селению, от долины к долине... И 16 марта 1947 года он становится Национальным Героем Италии, награждается золотой медалью «Дель Оро» и Звездой Гарибальди... Спустя 15 лет, 26 декабря 1962 года, Федору Андриановичу Полетаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛЕГЕНДА О РОДОВОМ ГЕРБЕ

У каждого знатного рода старой России есть своя легенда о происхождении, есть свой герб. Весьма любопытны герб знаменитых уроженцев Касимовского района Олениных и легенда, связанная с ним. На гербе – девушка с розой, сидящая на медведе, и Мальтийский орден. А легенда такова.

В незапамятные времена Ирландией правил король О'Лейн. Было у него двое детей – брат и сестра. После смерти отца побоялся брат, что сестра будет претендовать на трон, потому-то и приказал заключить её в клетку с медведями. Прекрасная девушка бесстрашно вошла в клетку, держа в руках столь же прекрасную розу. И – о чудо! Дикие звери улеглись у её ног. Поражён был

брат, потрясены люди. Покаялся брат в своём поступке и предложил сестре свободу и почести. Но она, отказавшись от всего, вместе с медведями ушла в лес. Там и жила отшельницей. А её брата тем временем свергли с престола. Новые правители захотели погубить и сестру. Почувствовав опасность, девушка со своей верной медведицей вышла к морю и на ней отправилась в далёкое плавание. Так попала она в Лотарингию, поразила сердце властителя тех мест, рыцаря д'Оршпрунга, и стала его женой. Потомки их перебрались в Польшу, а позже – в Россию.

А Мальтийский орден семьи Олениных – первый Мальтийский орден России – был вручён Алексею Николаевичу Оленину за поход с Суворовым через Альпы.

ГОСПОЖА ВАРВАРА

Вы только взгляните в эти лица, рассмотрите их лучше. Кажется, что таких чистых и открытых глаз сегодня и нет вовсе, правда? Солидные дамские причёски на девичьих головках хотя и делают эти лица старше, но этим подчеркивают значимость каждой. Лица, достойные кисти живописца, хранят такую торжественность и тайну, что не страшно окунуться в эту глубину. Прямой взгляд, горделивая осанка – как мудры эти юные женщины. И только ученическая форма пансионерок Тамбовского института благородных девиц выдаёт их возраст. Вторая слева – моя бабушка. Снимку почти сто лет, но как живая легенда смотрят на меня с фотографии эти девушки. У каждой впереди вся жизнь, своя судьба, но здесь объединяет их одно и самое глав-

ное – они учатся, чтобы потом учить других. Честное слово, хочется стать ученицей каждой из них. Хочется довериться их уму, сердцу, величавой строгости, с которой начинается для нас первая учительница. Нет сомнений – эти девушки несут добро и свет, а ведь именно с этого важно начинать жить. Спокойствие, которое составляет в душе старое фото, мягкость и даже святость, с какой глядят на меня эти барышни, делают и меня выше и чище. А мир вокруг становится чище и прекраснее. Таким его раскрывает нам наш Учитель.

Самое яркое впечатление летних месяцев, проведённых в Елатье, бывшем маленьком купеческом городке Рязанщины, – её гости. Летом они появлялись в нашем старинном доме с регулярной неизменностью. А в доме жили только мы – я, девчонка лет тринадцати (которую в Елатье знали только как внучатую племянницу Варвары Мартемиановны), и она сама, Варвара Мартемиановна Ведениктова. Моя знаменитая бабушка, никаких постов в жизни не занимавшая, а к тому времени уже давно пенсионерка. Но тем не менее знали её в городке все от мала до велика, ибо населяли его её ученики, старые и малые – за 45 лет её учительского служения «накопилось» их бесчисленное множество.

Но летние гости были пришлые, вернее те, кто, оперившись на этих окских берегах, давно уже парили в других небесах.

Картина была всегда примерно одинаковой. Сначала осторожно звякала щеколда наших массивных ворот, потом я вела какого-нибудь импозантного военного при его семейном эскорте через двор до порога нашей гостиной. Гость останавливался на самом пороге, здоровался и робко спрашивал: помнит ли она его – Петю такого-то. Тётя Варя приподнималась с кресла, прищуривала свои теперь уже подслеповатые глаза (уже как-

никак под 80) и, припоминая, говорила: «А, это ты – Петя – сидел всегда на последней парте и меня доводил...» На что военный с нескрываемым восторгом и лёгкостью подтверждал: да-да, именно он был тем отчаянным балбесом, что доводил её, а вот теперь... Дальше седой полковник представлял свою жену, детей, рассказывал о своём житье-бытье и о победах в большом свете. А я всегда, забившись в уголок, с удивлением слушала очередную исповедь и по младости своей не могла понять, что человек пришёл к Учителю, дорогому, запомнившемуся на всю жизнь, давшему крылья для большого полёта. Среди легенд о её учениках мне с тех далеких лет врезалась в память одна.

Юноша закончил Елатомскую среднюю школу и решил поступить в Институт международных отношений. Сельский парень, мечтавший о дипломатической карьере! На экзамене, спросив, откуда он, председатель комиссии произнёс сакраментальную фразу: «Ну что же, посмотрим, как Вас там испортили». Пять часов длился этот экзамен. Оценка была наивысшей.

Потом в Елатомском краеведческом музее я видела портрет этого ученика, его книги, свидетельства его дипломатической карьеры, которая не состоялась бы, не будь у него такого Учителя.

Меняю Сорбонну на Елатьму

Тётя Варя преподавала, с моей девчоночьей точки зрения, отнюдь не главный школьный предмет – немецкий язык. Учительства её я не застала, но эхо того времени ещё звучало в школе – мои учителя долгие годы вспоминали школьные спектакли на немецком языке, которые ставила Варвара Мартемиановна. Песню Лореlei из того спектакля я до сих пор помню наизусть. Ибо

все педагогические таланты моей тётушки в её пенсионном возрасте сконцентрировались на мне. Это меня, почти неуправляемую, отправили к ней на перевоспитание. Это я в 8-10 классах «имела право» общаться дома только на языке: один день на немецком, другой – на французском. Это я должна была вслух чётко и кратко излагать мои школьные задания по истории, литературе, географии... Это я должна была знать все последние политические известия и комментировать их... Это я должна была уметь делать всё: пилить, жать, косить... Это я целую зиму читала ей вслух «Мёртвые души», не только первую и вторую часть, но «Избранные места из переписки с друзьями». И это я точно знала в те годы, что если тетушка сказала «нет», то это бесповоротно. Боже, как злилась я тогда и как благодарна ей теперь, спустя годы и годы. И, как теперь понимаю, она – Учитель – честно вкладывала в меня те понятия ответственности, долга, знаний, которые в своё время вложили в неё. Она – вторая в семье вдовы обедневшего дворянина из некогда известного рода, первая из детей получила бесплатное сиротское образование. Варвара Мартемиановна Ведениктова была пансионеркой Тамбовского института благородных девиц. После окончания стажировалась здесь и как учитель. Живопись, музыка, вышивание, литература, история, география, языки – вот, пожалуй, то основное образование, что получали тогда молодые девушки в течение десяти лет в этом закрытом учебном заведении. Идентично нашей школе-интернату. Но кто из выпускников советского интерната мог позволить себе фразу: «Знать язык – это на нём мыслить». А они мыслили, да и не на одном, на двух. Ведь они тоже в течение десяти лет могли свободно говорить с педагогами только на иностранном языке – день на французском, день – на немецком. И при всём этом тётя Варя

всегда сетовала на то, что нет у неё высшего образования. И добавляла: по немецкому языку.

А по французскому, который она преподавала в Елатомской женской гимназии...

...Самыми любимыми реликвиями моего детства были альбомы тёти Вари. Один – с репродукциями Третьяковки и с видами русских городов, другой – с репродукциями Лувра и с видами Парижа, Лозанны, Шервудского домика, Рейнского водопада... Юная учительница сельской гимназии в свои первые «служебные» каникулы – училась. Сначала на высших курсах при Сорбонне, потом в Лозанне. Давалось это, как видно, весьма нелегко. Единственная роскошь, вывезённая из Парижа, – книги, да и то в большинстве своём из серии Популярной библиотеки для бедных, в мягком переплёте, на серой бумаге. Но зато подлинники – стихи Гюго, философские трактаты Руссо, Вольтера, Дидро, произведения популярной тогда мадам де Сталь, Жорж Санд и т. д. и т. п. Это на многие годы стало главным достоянием моего дома.

Что ещё всегда поражало меня в моей тётушке, да и во всей той старой закалки интеллигенции, которую я знала и видела в нашем доме, – так это преданность родному краю, родовому гнезду. Она, повидавшая и Париж, и Берлин, и Лозанну, гостившая там месяцами, ни на секунду не представляла себе, как можно хотеть уехать из Елатымы, от родного очага.

С этим связана ещё одна легендарная учительская история. Где-то в сороковых годах Варвару Мартемиановну Ведениктову, учитывая её знания и опыт, решили поощрить. И для кого-то действительно работа в Касимовском городском педагогическом училище стала бы серьёзным повышением по службе.

Сначала ей просто предложили там преподавать, потом уже – приказали.

И началась трудная борьба Учителя и его учеников с администрацией района.

Учитель проливал горькие слёзы на своей новой почётной службе, а оставленные деревенские ученики всем классом отказались посещать уроки. Через месяц тётя Варя, счастливая и умиротворённая, вернулась под родной кров.

Тайна заветной шкатулки

Говорят, Господь Бог, подводя итоги человеческой жизни, наказывает или поощряет его смертью, тяжкой или... лёгкой. Помню тётю Варю в нашу последнюю встречу. Я замужем, живу в Рязани, воспитываю дочь. Тёте Варе моей уже под девяносто. Помню Михайлов – интернат для престарелой интеллигенции (лучший в те годы в Рязанской области), её маленькую чистую комнату. Она – бодрая, спокойная, и я с семилетней дочкой. Мы и моя бабушка (тёти Вари младшая сестра) были для неё самой близкой и единственной роднёй. (Самой тетё Варе так и не удалось создать свою собственную семью: быть второй в семье из восьми братьев и сестёр – нелёгкая доля и ответственность). Весь день она играла с ребёнком, разговаривала с ребёнком, разговаривала со мной. А перед нашим отъездом неожиданно стала собирать вещи. Среди прочих вручила мне закрытую шкатулку которую велела открыть после её смерти: «Моё главное наследство, самое мне дорогое. Не хочу, чтобы попало это всё в чужие руки».

Это было 29 августа, а тринадцатого сентября мы получили письмо из Михайлова, от её товарки. Сообщалось: Варвара Мартемиановна умерла 1 сентября. Перед смертью запретила вызывать родных, ибо «сестра её

очень стара, чтобы ехать на похороны, а у племянницы – ребёнок-первоклассник».

В этот день я открыла заветную шкатулку. Она была подарена тётке Варе её матерью (моей прабабушкой), и стояла там дата – 1850 год. Внутри – фотография её однокурниц, таких же, как она, воспитанниц и воспитательниц Тамбовского института благородных девиц.

Там же письмо её однокашницы с пометкой: «Открытие памятника Гоголю в Москве и гоголевские торжества» (это было письмо очевидца); Диплом об окончании высших французских курсов – Париж 54, бульвар Сан-Мишель, 28 августа 1912 г. Красная коробка, в которой я обнаружила медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденскую книжку – орденом Ленина учительница Варвара Мартемиановна Ведениктова была награждена 1 мая 1949 года, орден Ленина за № 90645.

На самом дне шкатулки лежала незатейливая открытка. «Дорогая Варвара Мартемиановна! Хоть Вы давно не отвечаете на мои письма, всё же ещё раз поздравляю Вас с Новым годом. Я никогда не забуду Вас, Вашу к нам справедливость и строгость, ибо всё, что есть у меня, – это дело Вашего труда. Работаю в посольстве. Помню Вас всегда» Подпись была неразборчива. Бросилось в глаза место отправления – г. Дели. И дата – дата последнего Нового года, встреченного моей тётёй Варей. К тому моменту она уже более двадцати лет не работала в школе, более пяти лет не отвечала ни на одно письмо. Старость. Но Учитель остаётся Учителем до тех пор, пока есть на земле его Ученики. Помнящие ученики и следующие заветам своего Учителя.

ДЕВЧОНКА С МАЛЬЧИШЕСКИМ ХАРАКТЕРОМ

Кровавые крылья заката
Царят над моей головой.
Душа моя болью распята,
А сердце уходит слезой.

Как странно разворачивается порою жизнь. У меня, подготовившей десятки юных журналистов, никогда не было среди учеников собственной дочери Оксаны. Где-то в глубинных тайниках души мы были очень схожи в мерах человеческих ценностей и совсем разные во внешних проявлениях жизни.

С самого своего рождения, давшегося мне очень и очень тяжело (после трёхдневных схваток пришлось делать кесарево сечение), она была папиной дочкой. В те далекие годы я не имела возможности ни купать её, ни брать на руки. Как мне сказали врачи, образовавшийся на руке тромб мог в любую минуту оторваться. И все обязанности по уходу за ребёнком, кроме кормления, взяли на себя мой первый муж Григорий Дмитриевич Гоенко и моя бабушка Софья Мартемиановна Нарышкина.

Даже в раннем детстве Оксана проявляла чисто мальчишеские черты характера. А лет в пять, когда я стала переодевать её в платьице, прямо так и спросила: «Ты меня одеваешь в платье потому, что родила девочкой»? И на полном серьёзе попросила: «В следующий раз будешь меня рожать, роди, пожалуйста, мальчиком».

Жили мы тогда очень трудно – в 13-метровой комнате на четверых и... печка. Ох, уж эта печка! Маленькая Оксана любила смотреть на огонь и однажды схватилась прямо за открытую дверцу печи. След от ожога ос-

тался у неё на всю жизнь. След от ожога на руке. След на носу от осколка бутылки, которую запустил в неё мальчишка во дворе. След от детской ванны, упавшей прямо на голову ребёнку.

Маленькой она никогда не плакала от боли, но от обиды могла заплакать легко. С ней всегда что-то происходило. Болела очень редко, но метко. Если воспаление лёгких, то – больница. Если дизентерия – тоже больница. А с гепатитом, уже в 9 классе, пролежала целых 2 месяца. На этом, можно сказать, и закончилась её спортивная карьера. К тому времени она была кандидатом в мастера спорта по фигурному катанию. Мечтала о физкультурном институте, но увы... Хотя позже, в МГУ, была членом сборной по конькобежному спорту и даже, вернувшись в Рязань, тренировала маленьких фигуристов вместе с любимой подругой Любой Холиной.

К слову сказать, истинных подруг в детстве и юности у неё было немного. Но с возрастом именно преданность друзьям стала характеризовать её как человека. Года два она ходила в больницу к Наташе Кутузовой, страдающей очень тяжёлой формой астмы. А через несколько лет после смерти подруги взяла опеку над её 10-летней дочкой Маргушей, выучила, дала высшее образование и воспитала очень достойным человеком. Профессия позволила раскрыть в себе и другие замечательные качества, в том числе и преданность родному краю, любимому делу.

Помню, когда Оксана училась в 1 классе, мы встретили моего редактора из областной молодёжной газеты Олега Александровича Севергина, и она весьма строго спросила: «Вы редактор»? А затем добавила: «Когда я вырасту, тоже буду редактором». И ведь стала. Даже больше – директором крупного государственного издательства. На её сайте в социальных сетях до сих пор

можно прочесть девиз: «Ничего не бойся». Она действительно ничего не боялась.

Дитя времени, она жила в мире царившей идеологии....

Говорю из телефонной будки с первым секретарём обкома комсомола Владимиром Ильичом Головановым. Естественно, называю его по имени-отчеству. И вдруг она стала просто вырывать из рук телефонную трубку. А когда я её положила – залилась слезами: «Ты, ты с дедушкой Лениным говорила, а мне не дала, я тоже хочу говорить с Лениным». Или другой случай. Однажды, увидев на нашей улице солдата в форме, подошла и стала гладить шинель, приговаривая: «Дядя – солдат. Дядя – наш защитник».

Научилась читать ещё до школы и как-то в автобусе, разобрав по слогам лозунг «Ленин – знамя наших побед», поразила пассажиров искренним удивлением: «Почему Ленин – знамя? Он же человек!»

В младших классах Оксана сама подходила ко мне и требовала, чтобы я проверяла её уроки. Честно говоря, я никогда не боялась, что она может не поступить в институт, а с друзьями шутила: «Что же, пойдёт на завод, станет Героем соцтруда». У этой шутки была весьма высокая подоплёка. В школе ей давали отмывать самые грязные участки коридора, а в лагере труда и отдыха повариха настаивала: «Не нужны мне ваши дежурные. Дайте мне одну Оксану Гоенко, и за кухню я буду спокойна».

В институт она всё же поступила, и не в какой-нибудь, а в лучший вуз страны – университет имени М.В. Ломоносова. Став победителем в областной олимпиаде по истории, она практически обеспечила себе место в Рязанском пединституте, но, воспользовавшись моим отъездом с младшей дочкой в санаторий, пересла-

ла документы в МГУ. А на мой гнев ответила: «Папа учился в МГУ, и я буду там учиться». В тот год она «завалила» первый же экзамен по математике, который надо было сдавать по программе факультета психологии. Но на следующий год поступила на факультет журналистики сначала заочно, потом перешла на очное отделение и, чтобы не потерять год, сдала дополнительно 14 экзаменов!

Оксанка с детства всегда была моей надёжной помощницей. Когда умер муж и я, цепенея от беспомощности, застывала в бездействии, она хватала 4-месячную Катюшку, бросала мне на руки и заставляла качать. Чуть ли не с 8 лет взяла на себя все заботы по дому, ибо мне, чтобы выжить, приходилось всё время подрабатывать. Да и журналистика тех лет – это сплошные командировки. Хозяйкой Оксана стала отменной. Спасибо нашей украинской родне. Именно тётя по отцу – Нина Дмитриевна Проскурня – научила её отлично готовить и наводить порядок в доме. А в последнее десятилетие дочь стала мне опорой и на профессиональном поприще.

Помню, в стародавние времена нас с ней представляли так: «Это Оксана – дочка Людмилы Георгиевны». А потом: «Это Людмила Георгиевна – мама Оксаны». Именно она познакомила меня со вторым мужем Леонидом Владимировичем Вяткиным, сказав, что он очень хороший человек и на него всегда можно положиться. Я в этом убедилась, когда он добровольно сел за мои многочисленные рукописи и через год подготовил к изданию книгу «Время собирать камни», вышедшую в издательстве опять же под руководством Оксаны. А моё авторство в каждом номере региональной газеты «Рязанская Глубинка» – это тоже она. И то, что в 13 томе областной «Книги памяти» появился мой материал о героини-

ческих рязанках времён Великой Отечественной войны – заслуга Оксаны. Со слов ответственного секретаря редакционного совета издания Ильды Николаевны Антошиной, именно Оксана убедила её в том, что «лучше моей мамы эту статью никто не напишет».

И так во всём до последнего дня. А последний день в Рязани мы провели вместе, помогая друг другу на даче...

Так и не могу поверить, что её уже нет, и никаким эхом не отзовется она мне на этой земле. Лишь снежинка порой окажется на моих щеках, чтобы потом стать слезинкой. Но возникают в голове слова Владимира Высоцкого: «Наши мёртвые нас не оставят в беде. Наши павшие как часовые».

За свою многолетнюю издательскую деятельность Оксана выпустила множество замечательных книг, но свою... оказалось недосуг.

Всё отдавала талантам любимых и уважаемых людей.

Вот таким замечательным человеком была она, моя Оксаночка, в крещении Ксения, почему и называют её Ксюшей самые близкие люди.

ШУМНОЕ СЕРДЦЕ

*Душа бессмертна, тело наше тленно,
Что есть душа? И здесь ответ простой:
Дела людей при жизни их, наверно,
Являются бессмертною душой.*

Владимир Голованов. Шумное сердце. – 2014

Когда в одном из окон здания на перекрёстке улиц Свободы и Ленина часов этак в 10 вечера горел свет, то это было окно кабинета первого секретаря Рязанского обкома комсомола Владимира Ильича Голованова. Трудолюбия и ответственности за порученное дело этому человеку не занимать. О том, что происходит в подведомственном ему «хозяйстве», он знал всё – от положения дел в захудалом колхозе до текущей работы областной молодежной газеты.

Помню, как я, тогда ещё начинающий журналист с филологическим образованием и без малейшего знания сельхозпроизводства, попутно с материалом о студенческих стройотрядах собрала, написала и опубликовала в газете репортаж с громким названием «В закрома Родины». И в первую же минуту нового рабочего дня мне позвонил Владимир Ильич. Ох, как же он тогда меня ругал, ибо в районе, о котором я писала, и лучшие хозяйства более 9 центнеров с гектара никогда не собирали. Какие уж тут «закрома Родины», когда сами жили на дотациях? Думаю, что свой гнев он копил с 6-7 утра – именно с этого времени начинался его рабочий день.

Помню, как неуютно чувствовали себя чиновники Скопинского района, когда Владимир Ильич Голованов был назначен 1-м секретарем райкома КПСС. Еще бы! Их «сумасшедший» секретарь в уборочную страду уже в 6 утра начинал объезд колхозных токов, а к 8 часам готов был начать производственное совещание, главной темой которого была уборочная страда.

Поражали его наблюдательность и внимание во время инспекционных поездок по районам области. Однажды мне пришлось побывать с ним в одной из таких командировок в качестве корреспондента газеты. Редакционное задание было весьма скромным: написать о какой-нибудь хорошей ферме, благо, что путь Владими-

ра Ильича лежал в одно из лучших хозяйств Касимовского района. Свое задание, на мой взгляд, я выполнила добросовестно, а вот потом, молча, присутствовала при весьма крутом разговоре между моим шефом и председателем колхоза. Что же заметил он и чего не заметила я? Владимир Ильич говорил о недопустимости разбазаривания кормов в это очень сложное для животноводства весеннее время. Да. Это хозяйство было хорошо подготовлено к зимовке скота, и в кормах здесь не было дефицита, но дороги из соломы от правления до фермы быть не должно. Ведь в других хозяйствах скот уже голодал, и каждая соломинка была бы помощью соседям, а тут под ногами валяется. Да и за доярками следить надо построже, а то и подоинок вроде бы помыла одна из них, и руки вымыла перед дойкой, а затем привычно вытерла их о бока своей бурёнки. О какой длительной сохранности молока здесь можно говорить?

Я всё вспоминаю о делах хозяйственных, имеющих прямое отношение к его работе, но в этом человеке меня всегда поражало и то, что не касалось его должностных обязанностей. Его трепетное отношение к поэзии и к людям поэтического дара. Именно он в одной из командировок открыл для меня прекрасного поэта Василия Федорова. Именно от Владимира Ильича я впервые услышала много добрых слов о Евгении Маркине, в те времена весьма не чтимом партийными начальниками. Сам же он внимательно наблюдал и за поэзией Евгения, и за его жизнью, пытаясь при этом по возможности ему помогать. Помню, как убежденно он говорил: «Да вы же не понимаете этого человека. Говорите о его женщинах, чрезмерных возлияниях, а он же однолюб, всю жизнь предан своей единственной Гале Черновой, а перепады в поведении – эта же его боль, невозможность изменить ситуацию, которая для него невыносима». Тогда я мно-

гого не понимала в поведении первого секретаря обкома комсомола. А теперь вот, прочитав его рукописи – поэтическую и прозаическую, – понимаю: в «невыносимых» ситуациях он сам разбирался очень неплохо, проходил их не раз и не два, но его личным выходом из них был труд.

С детства мальчик из большой крестьянской семьи бредил поэтическим словом. Робко писал. Выучился на филфаке и мечтал пойти вслед за своими кумирами по стезе поэтической. Но жизнь подготовила ему другую стезю – партийно-административную. И значимость этой работы он прекрасно понимал и выкладывался полностью. Владимир Ильич прошел все ступени комсомольского «роста» – от школьного комсорга до первого секретаря Рязанского обкома комсомола, ответственного работника Центрального комитета ВЛКСМ, от секретаря райкома партии до секретаря обкома КПСС по идеологии. Но время испытывала его на прочность и верность тому делу, которое он когда-то избрал для себя. И тот факт, что он взял на себя ответственность за полуразрушенное хозяйство в Спасском районе уже после выхода на пенсию и более 10 лет руководил им – для него вполне естественный поступок. Не ради славы, не ради денег, а ради самого дела.

Последний раз я встречалась с Владимиром Ильичем Головановым на презентации его книги «Шумное сердце», выпущенной издательством «РИД» в поэтической серии «Есенинский берег». За неделю до его смерти. Презентация проходила в редакции газеты «Рязанские ведомости», и кто-то из молодых журналистов, обращаясь к главному редактору, пошутил: «У вас, Галина Александровна, сегодня не просто поэтический вечер, а встреча героев комсомольской славы». Действительно, многие из тех, кто пришёл на вечер, были соратниками

Владимира Ильича по комсомольской работе. А ещё были писатели – прозаики, поэты, то есть люди, сумевшие по достоинству оценить мужество человека, который на протяжении десятилетий пронёс любовь к поэтическому слову и на склоне своих немалых лет осуществить юношескую мечту – издать сборник стихов. Кстати говоря, готовил он к изданию ещё и книгу документальной прозы, в которой отразилось его время – трудное, переломное, проблемное. Не успел. Скоропостижно умер и был похоронен на Скорбященском кладбище рядом с ушедшими из жизни соратниками по работе.

Главная тема незаконченной рукописи – назревшие проблемы в сельском хозяйстве, в котором он разбирался весьма и весьма хорошо, с присущим ему аналитическим мышлением и дальновидностью, и пути возможного их решения.

Юность и вся жизнь Владимира Ильича не могли не пройти под главным лозунгом всего его поколения: «Партия сказала: “Надо!”, комсомол ответил: “Есть!”». Граждане 21-го века могут к этому лозунгу относиться по-разному, но истина в том, что без дисциплины, трудолюбия, без соподчинения и подчинения интересам государства не построить самого государства, не утвердить себя в международном мире, как не построить государства и без любви к своей Отчизне.

Именно такой любовью пронизана поэтическая книга потомственного крестьянина Владимира Голованова, которая заканчивается стихотворением, посвящённом его малой родине – деревне Казначеевка Милославского района Рязанской области, где он родился 28 июня 1937 года в большой семье.

Всё знакомо здесь с раннего детства –
Лучик памяти не угас,

Но с щемящей тоской бьётся сердце,
Словно вижу в последний раз.

В ней зимуют под бедными кровлями
Три старухи да два старика.
Да, мы сами её обескровили,
Расплылись, как туман, в облака.

Я встаю перед ней на колени,
Память жизни своей ворошу.
Каюсь я перед милой деревней
И прощенья сыновье прошу.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Она опоздала. И теперь обескураженно смотрела на обелиск, у которого неизвестным ей героем было назначено свидание. А может, просто не было героя? Она недоверчиво огляделась вокруг и медленно стала обходить памятник. И вдруг замерла: на его обратной стороне, прямо по тёсаному камню, было написано: «Я здез был...» Буквы были нелепые, корявые и какие-то неральные. Даже подошла потрогать их. И сердцем поняла: здесь был именно он, тот единственный, кто в их небольшом городке рискнул откликнуться на её, в общем-то, несуразное объявление в местной газете.

Оно было действительно странным: «Немолодая женщина, имеющая музыкальный талант, кошку, дачу и двоих детей, ищет мужчину, способного всё понять, простить и помочь». В ответ было одно-единственное пись-

мо, без обратного адреса, с подписью «Сергей», с датой, временем и местом будущего свидания.

Но она, как всегда, опоздала. Она опоздала когда-то на экзамен в консерваторию, на любимую работу. Она впопыхах выбирала не тех мужчин, которые остались в её памяти на смешливыми тиранами, норовящими ударить, обидеть и унижить. Она опоздала вовремя развестись с отцом своих детей. Шестнадцать лет терпела все его пьяные выкрутасы и лишь полгода назад рискнула, как сказал сын, повернуть колесо своей судьбы. И опять опоздала.

Домой Ольга брела походкой уже явно не юной женщины, хотя всегда была легка на ногу. Дома много и жадно курила. Думала, кто же и какой он, герой её несостоявшегося свиданья. Почему-то подумалось, что он явно не местный — в их городке вряд ли кто-то среагировал бы на её объявление, тем более рискнул бы расписаться на памятнике. Но, впрочем, что толку думать и гадать — видно, не судьба.

Судьба нашла её ровно через неделю. Явилась в их дом в виде невысокого хрупкого мужчины, чуть припадающего на левую ногу, с удивительными синими глазами и столь же удивительно немногословного. Явилась и застала в доме лишь... сына, мальчика интеллектуального, насмешливого и явно могущего такую вот «судьбу» и с лестницы спустить. Но не спустил. Поразился тому, что явившийся Сергей, узнав, что его мама на огороде, сразу же предложил приготовить что-нибудь поесть и отнести ей: «Она же, наверное, устала и голодна». Готовил он споро и умело.

Вот так и явились вдвоём на огород. Застали её в старом выцветшем сарафане, с грязными руками и каплями пота на лбу. С первого же дня стала она звать его немного иронично, но ласково – «моя чукча».

Первая их ночь была ночью разговоров. Разговоров о тех десятилетиях, которые разделяли их и которые же могли их соединить. «И все потери, все утраты, что только лишь в душе таю, мы жизни отдали в уплату за позднюю любовь свою...». Помните Василия Фёдорова?

Но любви ещё не было, была её жажда и дикое одиночество обоих. И были её слова поутру: «Ну что же, делай мне теперь предложение!» И он сделал. Не предложение прибыть в её дом с вещами и пребывать в нём в таком модном сейчас гражданском браке, при котором у каждого за пазухой камень и право на предательство, а утверждённое традицией предложение руки и сердца, с полной ответственностью за судьбу и жизнь другого человека. Они расписались через несколько дней, сыграли скромную свадьбу и стали строить жизнь, и из крохотного ростка обоюдной симпатии растить свою любовь.

Впервые «мою чукчу» я увидела уже через четыре года, на пятидесятилетие Ольги. Её юбилейная дата меня тоже поразила, ибо казалась она юной и необыкновенно красивой. Да и юбилей отмечался тоже как-то по-юношески: друзей и родных собрала у ночного костра на своей даче, что притулилась на окраине леса. Здесь читались стихи, пелись песни, велись разговоры – о судьбе, вечности, любви. Молчал лишь один человек – Сергей. Он подкладывал в костёр всё новые и новые сучья, готовил над ним какое-то варево и, стеснительно улыбаясь, предлагал его гостям. А Ольга время от времени отрывалась от заумных речей, ласково гладила его по голове и с оттенком гордости говорила: «Моя чукча – таёжник. Умеет всё. И ночной костер – его идея». Сергей лишь молча улыбался в ответ, заботливо укрывал ей ноги, разносил гостям своё, как оказалось, очень вкусное таёжное варево со странным названием «ХЭ». В каждом его жесте, в каждом взгляде, обращённом к Ольге, была Любовь. Да,

да, та самая Любовь, о которой мечтает каждая женщина ещё с ранней юности и которую так редко находит.

Как странно ведут нас порой дороги судьбы. Казалось бы, жизнь прожита, всё уже позади и вдруг... Когда-то много лет назад в любимой мной книге «Кристин – дочь Лавранса» я прочитала навсегда запомнившиеся строки: «Хорошие дни выпадают на долю благоразумных, но самые счастливые достаются тому, кто осмелится быть безумным». Они осмелились.

Четыре года назад ей говорили благоразумные доброжелатели: «Прописываешь безродного, Бог весть откуда взявшегося мужика. Да ещё моложе тебя. Всё же потом отсудит, и останешься без всего». И ему соседи по общежитию талдычили: «Куда на шею вешаешь эту старуху, да ещё с выводком. Болеет она, не работает. Весь город знает, а ты туда же!»

Но цену молодости и крепости здоровья он уже знал хорошо — именно такой была его жена, которую он и взял-то по принципу: судьбы наши похожи, горя в детстве хлебнули много, сумеем друг другу помочь. Да, у них с первой была общая судьба – детдом; общее образование — почти нулевое; общее здоровье – крепкое. С ней он, алмаатинец по рождению, на берегу сибирской Ангары в глухом таёжном посёлке строил общий дом, с ней растил детей. До поры до времени – до беды. Беда пришла в виде тяжёлой лесины, скатившейся ему на позвоночник. В один из тяжких болезненных дней жена, придя в палату, сурово объявила: «Домой не возвращайся. У меня другой. Ты мне, калека, в тайге не нужен». Вот так оборвалась целая жизнь. Шесть лет назад.

Невероятно, но он выкарабкался, калекой не стал. Но что было за его спиной в день его сорокалетия? Дипломы за концерты в армейском ансамбле песни и пляски; травма, уведшая его из этого ансамбля; шесть рабочих специальностей;

тринадцать поднятых и уложенных медведей; умение бесшумно ходить и метко стрелять; знание трав. А ещё тяжесть предательства и недостижимые теперь для него дочери, чужой город и боль одиночества.

Именно такую боль и отчаяние почувствовал он в том необычном объявлении: «Немолодая женщина...». И откликнулся на эту боль всем сердцем. Много раз начинал он то заветное письмо, много раз рвал его, но все же решился. Отчаянно ждал у обелиска и – не дождался. Но чужая боль звала его и звала, не давала спать ночами. И он рискнул прийти. Когда впервые увидел её, такую красивую и такую беззащитно хрупкую, понял: его крест – вечно беречь ее улыбку. В ту ночь встретились две разных судьбы. Она – дочь обеспеченных родителей, с великолепным образованием, гордящаяся своей интеллектуальностью. Он – детдомовский мальчик, полжизни проведшей в тайге, не знающий и не понимающий ни одного из её заумных слов. Общим было одно – потери, на которые обрекала их жизнь. И ещё музыка. Её он, сын слепого музыканта, ощущал трепетно и нежно. Она могла её исполнять. И как исполнять! Его душа замирала в восхищении и преклонении перед этим чудом.

Когда-то один из моих друзей сказал: «С годами люди понимают одно – отношения в семье выстраиваются. И любовь – не дар небес, это труд двоих людей, жаждущих обрести счастье». Наверное, к этой семье эти слова подходят как никакие другие. Каждый, кто видит их сейчас, видит Любовь. Ту самую – недостижимую и заветную, о которой мечтает каждый. Никто, видя их, не предполагает, что стоит за этим.

В эти годы было всё: возвращение бывшего мужа, попытка самоубийства Сергея, Ольгино возрождение как музыканта, их общие уроки по русскому языку, конфликты с детьми, попытки разрыва и новое возвращение друг к

другу. Сейчас, глядя на них, я думала о том, что за всю свою долгую жизнь я лишь несколько раз воочию видела столь трепетное и нежное чувство и до боли завидовала Ольге: душа Сергея была отдана ей навек. И что бы с ней ни случилось, никогда не быть ей брошенной и преданной. Много читала я стихов, но эти, безыскусные, написанные Сергеем впервые за свои сорок пять лет и подаренные Ольге на день рождения, я уже никогда не выброшу из памяти: «Из цветов своих чувств я сплету венок и надену тебе на голову, из своей нежности сотку я пояс тебе на платье, сшитое из моей любви»

Видя эту пару, хочется и самой надеяться на счастье, ждать в новогоднюю ночь встречи и своего чуда и верить словам Василия Федорова: «Не говори, что отлюбили, что сердцу время на покой...»

ТЫ САМАЯ БЛИЗКАЯ

С этой семейной парой я нет-нет и сталкиваюсь на улицах родного города. Их союзу уже далеко за тридцать лет, выросла дочь, подрастает внучка. И уже не верится, что эта спокойная, удивительно красивая женщина и есть та смятенная девчонка Лена, которая когда-то мучительно искала у меня ответа: а как вот ей жить дальше, хороша или плоха её дворовая компания, где девчонки могут бить девчонок, где вино течёт разливанной рекой, а любовь спокойно заменяется круговертью знакомств-однодневок? Наверное, эти вопросы в её юной голове возникали не случайно, ведь в её жизни было и художественное училище, где было всё по-другому. Говорили мы тогда очень долго, потом подру-

жились. И однажды Ленка заглянула ко мне просто удивительно озарённая и взхлеб рассказала о своей любви. Её история надолго запала мне в душу. Помню, тогда Лена робко спросила: «А может, это кому-то когда-то и понадобится. Наша история?» История, как показали годы, – любви истинной и верной. Недавно её теперь уже солидный Михаил сказал мне: «Ленку люблю все эти годы. Она меняется, но в одном неизменная – в преданности».

Вот после этих слов я окончательно решила: эта история любви действительно может пригодиться и сегодня. Тем юным, которые так же смятенно, как когда-то Лена, ищут ответ на вопрос: как жить, как искать свою любовь и как удержать её?

И я, дорогой читатель, дарю вам эту историю о недотроге Лене и её друге Михаиле.

«Не надо опешлять себя таким словом, как “кадр”: ведь это всё не твоё. Завидую, что ты стремишься к необычному. Но, наверное, надо помнить одно: необыкновенное не спит глаз, оно не бывает сразу необыкновенным».

Лена вновь и вновь перечитывала письмо от однокурсницы. Её подруга по училищу убеждала не поддаваться лёгкости полужнакомств-полулюбви. А может, она и права? Вот я, казалось, шла к солнцу и вдруг остановилась, ослеплённая и потерявшая путь. В чём он? Лена размышляла о том, почему выбранные наугад книги только заводят в тупик, а подружек с родной улицы и вообще спрашивать нечего, только насмешливо и ехидно шепчут вслед: подумаешь, недотрога!

Ей вспомнились дни учёбы, где время было заполнено до минутки. Вспомнилось, как после долгих мучительных часов оживали на полотне краски. То время,

когда любая картина говорила в ней одной лишь им понятным языком. А теперь идёшь в музей – картины как немые. Может, обиделись, что ушла от них в иной мир, где нет творчества, а лишь одни деньги волнуют сотрудников по работе? Она была одинока везде, потому и не решалась резко порвать с очень уж поднадоевшим ей мирком девочек. Бывшие сокурсницы писали всё реже и реже, и чаще всего их последним письмом становилось приглашение на свадьбу. А ей самой так хотелось любви. Но «любить» так, как девочки с её улицы, она не желала. Их парни были развязны и мелькали в их жизни, как окна скорого поезда. Здесь рассуждали о причёсках, марках вин, здесь всё было, как в душном переполненном вокзале. А ей хотелось чистоты, взлётности.

«Недотрога» – цедил порой кто-то сквозь зубы. И никто не знал, как трудно ей порой было быть... недотрогой. Она любила песни, танцы, и порой ей было и впрямь весело в этом «душном вокзале». Да и привыкла она к нему. И всё-таки всё чаще и чаще грустила, даже на шумных вечеринках. И тогда подруги понятно улыбались: «Мишку что ли вспоминаешь? Он здесь залётной птицей был. Да вот улетел, и тебе уже с год как не пишет. Нечего принца ждать, чудачка!»

Она действительно вспоминала. Они встретились здесь на чьём-то дне рождения. Ушли вместе, долго гуляли, разговаривали. Потом были ещё встречи и... разлука, потом письма. И вдруг всё оборвалось. Почти год ни весточки. Конечно, Мишка тоже не был идеалом, но было в нём что-то своё, отличающее его от ребят их компании. Надежду на письмо она уже почти потеряла, когда вдруг её окликнула соседка по дому:

– Лена, к тебе тут какой-то парень приходил. Белокурый такой, высокий, в кожанке. Сказал, что сегодня ночью уезжает с вокзала Рязань-II.

Сердце её даже захолонуло от этих слов: «Он, Мишка. Столько не писал, а вот пришёл». Не помнила, как, забыв обиду, бежала на вокзал и долго-долго вглядывалась на перроне в суетливую массу, пока наконец не вздрогнула от знакомого голоса:

– Ленка, ты пришла?! Прости, что не писал. Думал, забыла...

– Я, я писать тебе буду...

Она всё ещё стояла на перроне, когда прощально мигнув огоньками, поезд окончательно растворился во мраке ночи. И вновь побежали дни, теперь уже от письма до письма. Они были скорее сдержанными, чем пылкими. Но были. И Ленка на них отвечала. И когда Михаил вернулся из армии домой – пришло и её долгожданное счастье. И она очень тянулась ко всему прекрасному, ибо он, её Миша, был и начитаннее, и серьёзнее.

– Пожалуйста, дай мне что-нибудь почитать. Мишка так много знает, мне стыдно не знать. Ой, я уже не курю, Миша не любит, Миша...

Он давал ей силы – этот насмешливый парень с голубыми глазами. А затем я заметила, Лена опять грустная. Их встречи заходили в тупик, постепенно приближаясь к заколдованному кругу: кино, танцы, вечеринки. Да, недаром на Руси есть пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло». На заводе, где он работал, случилась авария. Михаил попал в больницу, надолго. Вот тут-то и понадобилось всё мужество, вся преданность настоящего чувства. То наносное, что ещё было в них, исчезало с каждым днём. В эти месяцы соседи видели её очень редко. Больница была на другом конце города, а она ездила туда каждый день. Больничные нянечки даже ворчали: «И чего бегаешь туды-сюды. Вон, глянь, за окном какая погода. Охота тебе тут сидеть? Лето же, на

речку уж лучше бы ходила». Да и девчата всё сманивали её на пляж. Но она представляла, как он нетерпеливо ждет её, поглядывая на часы. Неуёмные няньки его тоже оговаривали: «Далась она тебе, девок что ли вокруг нет? Вон Анечка, санитарка наша. Как на тебя поглядывает. Да и нашей медсестре ты тоже приглянулся».

Но он ждал только её. Она же выросла с каждым днём, хотя мир вокруг, на первый взгляд, сузился неимоверно. Но как огромен стал мир её души. Души любящей и преданной. Мишу своего она выходила. И жизнь у них началась иная – семейная. Но и здесь, нет-нет да и были срывы. И тогда Ленка, закусывая губы и упрямо вскинув голову, говорила: «Не хочу я, чтобы ты на пижонов наших был похож! Не хочу этих глупых вечеринок! Лучше совсем уйду!» И уходила. А он одиноко бродил по улицам, проклиная себя за слабость. Он не желал потерять того большого, что приобрёл вместе с Леной. А иногда и она срывалась в прошлую жизнь, и уже он вытягивал её оттуда.

...Все эти годы я время от времени сталкивалась с ними – по дороге в институт, на художественный выставке, у театральных касс. Позже – у ворот детского садика... Обыкновенные ребята, они сумели найти необыкновенное в буднях. Порознь они были обычными: не очень сильными, не очень слабыми. Вместе они становились сильными, помогая друг другу жить. Может быть, именно потому и не распался их союз и до сих пор. Они смогли пронести через все свои десятилетия любовь. Глядя на них, невольно вспоминаешь песню, популярную в 70-е годы:

*Не печалься, ты самая близкая
И не прячь от меня седины.
Ту любовь, что зажгла первой искрою,
Не залить половодьем весны.*

НЕ ПРОСТО СТИХИ

Искусством чтения книг, любовного собирания литературы, умением накапливать и перерабатывать знания в духовный опыт Людмила Георгиевна Гоенко овладела в своей долгой профессиональной работе. Известный журналист, телеведущий, преподаватель университета, председатель общества книголюбов, руководитель литературного объединения – всё это в послужном списке одной чудесной женщины.

Но и своими творческими талантами Людмила Гоенко не обделена. Умение вести учёную беседу, легко и образно творить философский монолог, увлекать людей взволнованным лирическим словом – её кредо. И это искусство речи не могло не перейти в жажду писать собственные стихи. Долгие годы пряча их по случайным тетрадкам, порой выдавая за чужие или вообще не называя автора, Людмила Георгиевна давала жизнь новым стихам. И сама жила строчками, отражающими боль внезапного расставания, нежность нечаянной встречи и зарю новой любви. Я бы сказал даже, что эти строки не просто стихи, а как бы частицы стихии многотрудной жизни, застывшей на бумаге слезами человеческой горечи и счастья.

Среди моих ранних поэтических виршей есть стихотворение «Красной нитью прошиты страницы» с попыткой создать собирательный образ неординарной русской женщины. Сегодня мне кажется, что писалось оно именно о Людмиле Гоенко – единственной и неповторимой.

Эта женщина жизни не знает,
Но она, что есть силы, живёт.
И туда постоянно влезает,
Где любого другого убьёт.
О, она так нелепо прекрасна,
Так глаза её дерзко горят,
Что проходит, как пуля, напрасно
Сквозь неё неминуемый разряд!

От волнения дрожат её руки,
В её речи гремят соловьи,
Сквозь неё проточили разлуки
Все косые дороги свои.
Речь кипит, напрягается вена,
Словно в пьесе идёт житие.
Как планета вращается сцена
Под шальными шагами её.
Ни в гнезде ей не тесно, ни в клетке,
В дебрях спора ей надо пройти,
Где ломаются руки, как ветки
У глупцов, что стоят на пути.
Только воля ей в мире пожива –
И она не ползёт, а парит!
Только то ей по сердцу, что живо,
Только то по душе, что горит.
Эта женщина страха не знает,
И ножом, словно перья тупы,
В книге жизни своей вырезает
Непокорные знаки судьбы.
Но, томя поэтическим зовом,
Словно чувством безмерной вины,
У неё нерастраченным словом
Дневники потайные полны.
Красной нитью прошиты страницы,
Единицы застряли в полях,
И каких-то мечтаний границы
Очеркнула она на полях.
Где за всем этим пылом безбрежным
Глубоко перепрячет строка,
Как в душе её тлеет надежда,
Как любовь в её сердце робка...

Нурислан Ибрагимов,
член Союза писателей России,
лауреат премии Рязанской области им. С.А. Есенина
в области литературы и искусства

«Я ИДУ ОТ СЕБЯ...»

* * *

Не девочкой юной пришла я к тебе,
А женщиной зрелой в нелёгкой судьбе.
Прошусь я к поэзии в сёстры родные,
Даря подношенья предельно простые –
На месяцы роста ошибки крутые.

* * *

Ночь. Луна. Тишина.
Под ногами ковёр зелёный.
Я иду в никуда, я иду от себя
По дороге давно знакомой.

* * *

Мир тесен. И не развернуться,
Не спрятаться, не скрыться в нём,
Увы, знакомые все лица –
И в град под проливным дождём.

* * *

Кино в потоке света
Мелькает в свой черёд.
Только вот беда, что лента
Через сердце в свет идёт.

* * *

Я сердце приучила жить в неволе,
Не верить радости и счастья не ждать.
Я сердце приучила к боли,
Разлук, обид не сосчитать.
Кровавым ранам нет и счёта,
Но улыбнуться солнцу смею я –
Моя победа, моя минута,
Моя ещё любовь, моя.
Потом уйдёшь, но позабыть не сможешь
Моей души полёт, мою любовь.
И на чужом, другом удобном ложе
Вдруг вспомнишь всё и всё поймёшь.
Поймёшь потерей невозвратность,
Необратимость этих дней,
Их боль и горечь, негу-сладость,
С собой не унести души своей.

* * *

Я ненавижу современные чудовища,
Стальных громад жестокие тела.
Махиной над землею вспучила
Их разума могучая рука.
Летящие, рычащие, ревущие –
Они нас гонят в лёд смертельных снов.
Живую ткань земли всегда убить готов
Холодный блеск безжизненности мёртвой.
Но верьте, люди, что не вы
Та песнь живой земли,
Что в миг последний лишь всегда поётся.

* * *

Осенний блеск недолговечен.
Пройдёт златых дождей краса.
И панихидою по крышам
Нам отстучат их голоса.

* * *

Я не люблю тебя, и ты меня не любишь.
Что же ты ищешь здесь, у ног моих?
Порывы страсти душ не перекрестят,
И для тебя останусь книгой нераскрытой.
Обложку гладишь ты,
Хотя и думаешь, что суть её постиг.

* * *

Хочу вместить в стихи и улицу, и дом,
Прохладный сумрак города ночного,
Твоих шагов любовь незримый шорох,
И зелени тепло, и ниточки антенн,
Обиды тишину над городом моим,
Хочу вместить в стихи,
Но места нет меж слов.

* * *

Опять за временем бегу,
Как за последней электричкой,
И неуютно на ветру
Гореть пылающею спичкой.

* * *

Двадцатый век, двадцатый век –
Открытие за открытием.
А век, как озорной мальчишка,
Хохочет над бессильем человека.

* * *

Скажи мне, что такое чувство?
Полёт надежды и мечты.
Так для чего ж его на тело
Беспечно обменяла ты?
На мир постели и иллюзий,
Что вечно рядом будешь с ним.
О, как ломают себя женщины
 в постели,
Уверовав однажды, что любимы,
Что помыслы чисты.
О как ломают себя женщины
 в надежде
Не потерять усмешливой судьбы.
О мир иллюзий, мир обмана,
О ложь разбита вновь и вновь,
Всё ж с детской верой, неустанно
Ты на заклятие идёшь.
И только старость вдруг обрубит
Иллюзий прочные концы,
И как ломать ты юных будешь
За все разбитые мечты.
Но по твоей дороге слепо
Пройдёт другая за судьбой...
И как насмешлив мир весь этот,
И как он вечен под луной.

* * *

Я уйду в тишину лесную,
Не зовите меня назад.
Я уйду к голубым берёзам,
Где озёра в небо глядят,
И купается в них звезда,
И поёт на рассвете трава.
Я уйду к соловьиным трелям,
Где звенящая тишина.
Я уйду навсегда-навсегда,
Не зовите меня в города.

* * *

Из снега в дождь,
И снова в снег.
И не живёт лишь человек
Во всей живой природе,
Он всё старается понять,
Постичь, приусложнить.
А жизнь проста. Из века в век:
То снова дождь, то снова снег.

* * *

А у судьбы свои законы,
И чистоте взамен дара любовь,
Она обманывает льстиво
Твою истерзанную плоть,
Уничтожая страсти силу,
Ломая нежность и мечту.
Любовь, она как крест могильный –
Когда теряешь чистоту.

* * *

Недели, недели
мчатся метели
И жизнь
перечеркивают.
В заботах, печалях,
Минутах отчаянья,
В мгновеньях удачи
Несётся вся жизнь
В потоки забвенья.

* * *

Кровавые крылья заката
Царят над моей головой.
Душа моя болью распята,
А сердце уходит слезой.

* * *

Всё кажется и лёгким, и беспечным,
А боль лишь где-то в глубине живёт,
Когда проснёшься ты зарёй предтечной
И вскрикнешь вдруг: о как я одинок!

* * *

Я упаду перед распятым,
Тебя распявший на кресте.
И будут века насмехаться,
Назначивши казнь эту мне.

Но разве сердце сладить сможет
С жестоким разумом людей?
Лишь болью сердце отвечает
На логику стальных идей.
И молча гибнет и страдает,
Но вдруг всплеснёт волною в шторм –
И смыты разума законы,
И выброшен победный стяг.
Эмоции – смешное слово
В космический двадцатый век.

* * *

Из далёкого прошлого
Я окликну тебя.
Может, песней рассветной
Отзовешься, любя.
Или облаком нежным
Чуть коснёшься меня...
Но в безмолвии гулком
Застыли поля.
И в ответ – тишина
Убивает меня.

* * *

Какую боль, какую тяжесть
Сама с собой перенесу,
И ивам горестным поплачусь,
И снегом вымою лицо.
Какое сердце отзовется
Мне в той бездонной пустоте?
Ушёл навек и растворился,
Снежинкой став в моём окне.

* * *

Будто буря пронеслась
Над моей головушкой,
Пронеслась и унесла
Моего соловушку.
Унесла навеки вдаль,
В вечное далёко.
Затаись, моя печаль,
Глубоко-глубоко.
Затаись, не выплеснись
Горькою слезою,
Затаись, не выскажись
Скорбною строкою.

* * *

Надо мною лежат снега,
Надо мною шумят метели.
Как сказать мне тебе теперь –
Ах, как многого мы не сумели.
Ах, как многого мы не смогли,
Ах, как многого мы не успели.
Вот бы взять и подняться с земли,
И начать все сначала...
Но безжалостен белый снег,
Но насмешливы злые метели,
Второй жизни не дарует век,
Если первой прожить не сумели.

* * *

Ты моё утешение,
Ты моё унижение,
Ты обида моя и боль,

Ты и радость моя, и страх –
И всё в жизни пошло не так.
Потому что однажды в ночь
Появилась на свете дочь.
Ты и доля моя, и боль,
Ты надежда моя и скорбь.
Ну а я называю, любя,
Катеринкою просто тебя.

* * *

Безвозвратно молодость ушла,
И теперь считаю я года
По головкам дочерей своих,
Что, омытые грибным дождём,
Подрастают в домике моём.
И лишь сердце с этим не согласно,
Сердце просит потихоньку счастья.
Только счастье, видно, уже в том,
Чтоб, омытые грибным дождём,
Подрастали в домике моём
Русые головки пострелят,
Уносящих молодость назад.

* * *

О, дети, дети, ваши игры вечны,
Как вечен сам круговорот земли,
И в вашей радости беспечной
Надежды вешние мои.
Надежды счастья и свободы,
И доброты, и чистоты.
Водите, дети, хороводы
И пойте песни старины.

* * *

В этом мире тревожном и горьком,
В этом мире надежды и боли
Мы с тобою всегда вдвоём,
Хоть по разным дорогам ходим.
Не сойтись никогда путям
На каком-нибудь из перекрестков.
Но напрасно дороги спешат,
Но напрасно дороги разводят –
Мы с тобою всегда вдвоём
На невидимом перекрёстке.

* * *

Уступлю без борьбы я
И славу, и почести.
Мне бы душу одну,
Но зато бы навек,
 чтобы был человек
Для которого солнце садится
От печали на лице моём.
Дайте душу одну,
Дайте душу навек –
Ведь недаром же дьявол
Швырял в старину
Все богатства свои
За тебя, человек!

* * *

Весь мир вдруг обрушился на меня,
И в этом потоке солнца и света
Я задыхаюсь в предчувствии бурь,
Вихрей паденья и вихрей безмолвья,

Будто в стремительном
 бешеном ритме –
Мимо дела и мимо события.
Всё проклиная, теряю всё –
Только твоё видеть лицо,
Взгляд мимолетный,
 как пропасть, бездонный.
Верить не в силах,
 не верить не в силах –
Молнией сердце разбито моё.
И воедино спаяла стихия
Счастье безумья и веру безверья.
Бездна над нами, бездна под нами,
Только опора – руки твои,
Только глаза твои вырвут из мрака,
И потому ты смотри, ты смотри
С верой, надеждой,
 любовью, печалью,
Не отрывай от меня ты очей.
Я ведь люблю тебя до отчаянья
Чёрной тоской одиночества всей.

* * *

Осень жизни, говорят, печальна
И природе, собственно, под стать,
Ну а если в сентябре
 вот так хрустально,
Зелена деревьев пышных стать.
И душа, светлея, молодеет,
И надежды голубеет миг,
Но ведь осень – это всё же осень,
Следом бури зимние идут.

* * *

Замираю в иступлении,
Ожидаю тебя одного,
Ожидаю звонка или слова,
Ожидаю давным-давно.
Вот бы взять

и рукою несмелою

Не спеша набрать номерок,
Но удара кинжала острее
Телефонный проводок.
Эта трубка такая безжалостная,
Так спокойно ложится ей,
А во мне умирают рыдания
В ледящем накале страстей.
Убегают дела и мысли,
Ну а в сердце сплошная боль –
Где же ты бродишь

в поисках истины,

Про мою забывая любовь?
Я сплошное ожидание,
Комок трепета и любви,
Позвони мне, моё наказание,
Умоляю тебя: позвони.

* * *

Раз в году с чемоданами
Забираемся мы в поезда
И внезапно становимся вольными,
Словно ветер или звезда,
Распрощавшиеся с невзгодами,
Вдруг становимся щедры душой
И доверчиво делимся с ближними
И заботами, и мечтой.

Ох уж эти полки вагонные,
Сколько знают историй они,
Хоть пиши ты романы стотомные,
Хоть рассказы о жизни пиши.
Убегают недели счастливые,
Поезд вновь набирает ритм –
Под унылую песню колесную
Возвращаемся в старую жизнь.

* * *

Сердце рвётся к счастью –
Разум ждёт беду,
Предсказать несчастье
Я уже могу.
Будешь тешить лаской,
Ублажать мечтой,
Но в свои пенаты
Всё ж уйдёшь домой.
Эту боль потери
Всё ж превозмогу,
А осколки счастья
В сердце сберегу.

* * *

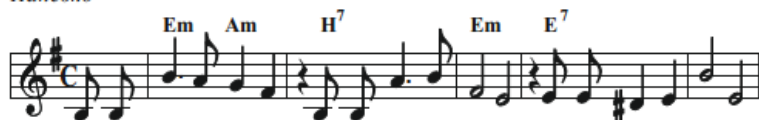
Ах, как сердце пело,
Как душа болела,
Как летело тело
В пламенный полёт.
Лишь одно на свете
В жизни смысл имело –
Это рядом-рядом сатанинский смех,
И твоя насмешка, и твоя забота,
В общем, то, что в целом
Значило любовь.

СОЛОВУШКА

Слова Людмилы Гоенко

Музыка Юрия Ананьева

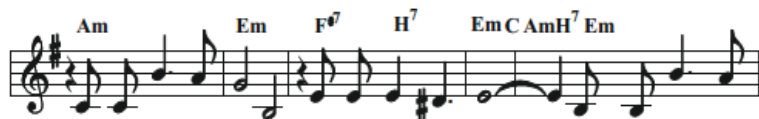
Напевно

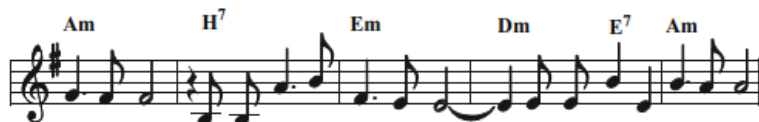
1. Ах, как серд-це пе-ло, Как ду- ша бо- ле-ла, как ле- те-ло те-ло

В пла-мен-ный по- лет. Лишь од- но на све- те В жиз-ни смыс-ли- ме-ло

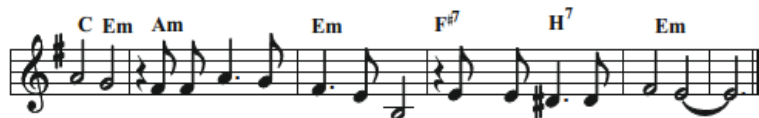
Что-бы сча-стье э- то Не пош-ло в раз- лет. Буд- то бу- ря

про- нес-лась Над мо- ей го- ло- вуш-кой, Про- нес-лась и у- нес-ла

Мо- е- го со- ло- вуш- ку У- нес-ла на- ве-ки вдаль, В веч-но-е да-

ле- ко. За- та- ись, мо- я пе- чаль, Глу- бо- ко глу- бо- ко.
да- ле- ко.

Ах, как сердце пело,
Как душа болела,
Как летело тело
В пламенный полёт.
Лишь одно на свете
В жизни смысл имело,
Чтобы счастье это
Не пошло вразлёт.

Будто буря пронеслась
Над моей головушкой.
Пронеслась и унесла
Моего соловушку.
Унесла навеки вдаль,
В вечное далёко.
Затаись, моя печаль,
Глубоко-глубоко.

Затаись, не выплеснись
Горькою слезою.
Затаись, не выскажись
Скорбною строкою.
Унесись навеки вдаль,
В вечное далёко.
Затаись, моя печаль,
Глубоко-глубоко.

* * *

И спросили её: «Любишь ли ты?»

И сказала она:

«Сердце моё – выжженная пустыня. И не прорастёт здесь ни единый кустик, не пролетит ни единая птица. И только миражи... миражи... миражи...

Пустыня любит создавать миражи, чтобы скрыть в них своё одиночество. Но приближаться к ним опасно – они растворяются, и останется лишь песок и жажда. Неутолимая и неутолимая жажда.

Где бьют мои родники, где растут мои цветы, где летят мои птицы? Где?..»

И услышала в ответ: «Я здесь! С тобой и навсегда!..»

СОДЕРЖАНИЕ

О времени и о себе. <i>Л.Г.Гоенко</i>	3
Человек как сумма выборов. <i>Л.В.Вяткин</i>	13
Над вечным покоем.....	19
Сынтульский затворник.....	25
Город для Садко.....	29
Славянские встречи «Золотого рыцаря».....	33
Легенда о Добрынином острове.....	38
Легенда о красавице Мещёре.....	39
Притча о матери.....	40
Легенда о Поэтане.....	41
Легенда о родовом гербе.....	42
Госпожа Варвара.....	43
<i>Меняю Сорбонну на Елатьму</i>	45
<i>Тайна заветной икатулки</i>	48
Девчонка с мальчишеским характером.....	50
Шумное сердце.....	54
Колесо судьбы.....	59
Ты самая близкая.....	64
Не просто стихи. <i>Н.Г.Ибрагимов</i>	69
«Я иду от себя...» (стихи).....	71
Соловушка (муз. <i>Ю.В.Ананьева</i>).....	86
«И спросили её: “Любишь ли ты?” ...».....	88

Людмила Гергиевна Гоенко

Колесо судьбы

Проза. Поэзия. Публицистика

Ответственный за выпуск: А.В.Бандорин

Литературные редакторы: Л.В.Вяткин и Л.Ф.Салтыкова

Редактор поэтического раздела: Н.Г.Ибрагимов

Технический редактор: Л.И.Осипова

Корректор: Л.Ф.Салтыкова

Компьютерная верстка: Е.В.Степанова

Дизайн обложки – Н.Г.Ибрагимов

Фото на обложке: Л.В.Вяткин и Н.Г.Ибрагимов

Автор музыки песни «Соловушка»: Ю.В.Ананьев,

Заслуженный работник культуры РФ

Сдано в набор 02.04.2016 г.

Подписано в печать 20.10.2016 г.

Формат 70х90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 5,625. Тираж 250 экз.

Издательство «Старт» – лауреат
Вероссийской литературной премии
им. генералиссимуса А.В.Суворова

e-mail: ludmila-saltykova@yandex.ru

тел. +7-953-738-53-75

Отпечатано в типографии издательства